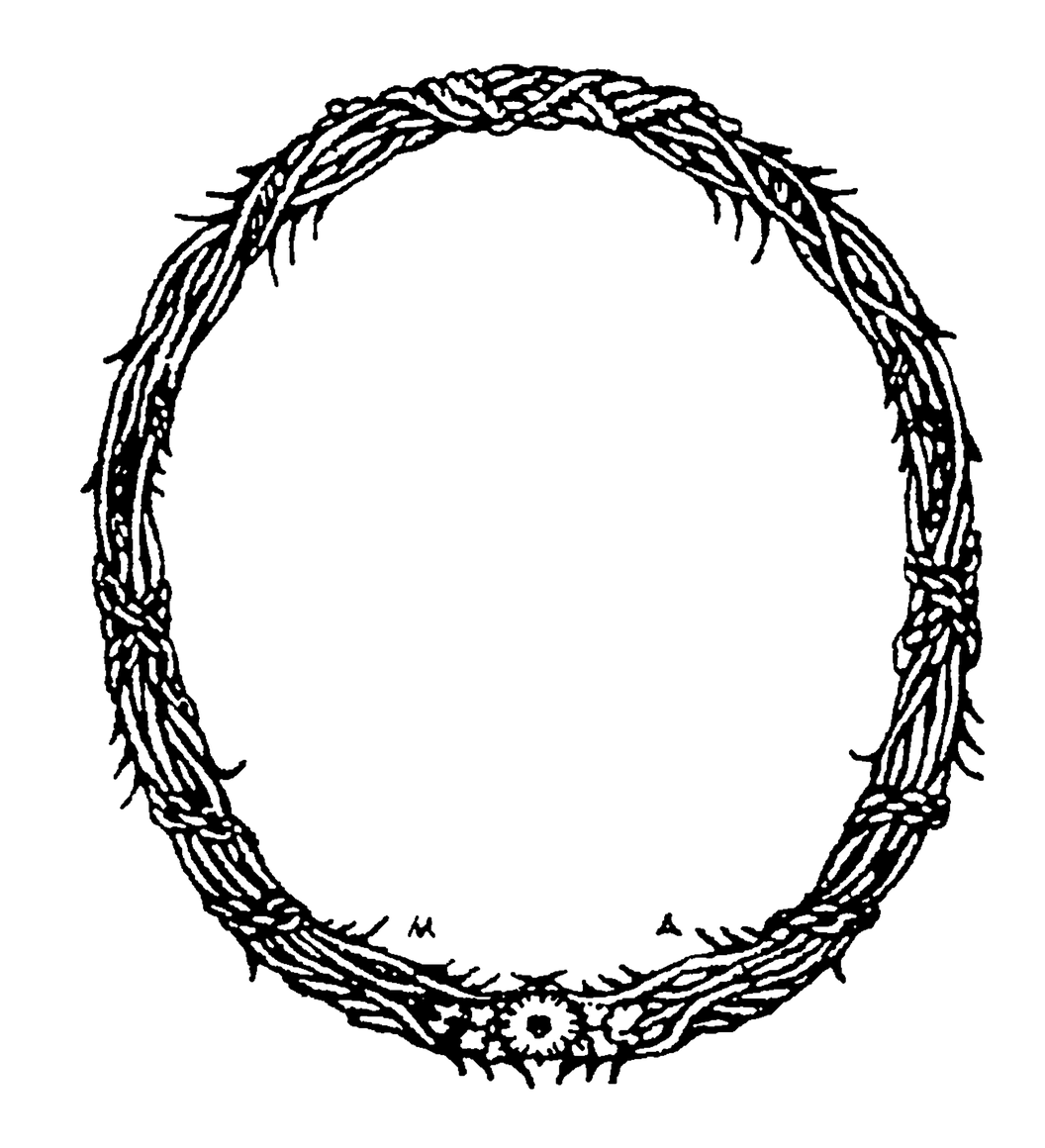
Собраніе сочиненій

ѲЕДОРА СОЛОГУБА

г. IX-й



изд-во

ШИПОВНИКЪ

С. П. Б.

изд.
шиповникъ

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ» СПБ.

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ

СТИХИ

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ.

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ» СПБ.

Типографія „Т-за В. Андерсона и Г. Лойцянскаго“ СПБ., Вознесенскій пр., 53.

ОТЪ АВТОРА.

Въ этой книгѣ собраны нѣкоторыя изъ стихотвореній, написанныхъ въ послѣдніе годы, и примыкающіе къ нимъ по настроеніямъ стихи прежнихъ лѣтъ. Нѣсколько стихотвореній печатаются здѣсь первый разъ. Они отмѣчены въ концѣ этой книги.

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ

СТИХИ

День сгоралъ, недужно блѣдный
и безумно чуждый мнѣ.
Я томился и метался
въ безнадежной тишинѣ.

Я не зналъ иного счастья,—
стать недвижнымъ, лечь въ гробу.
За метанья жизни плѣнной
клялъ я злобную судьбу.

Жизнь меня дразнила тупо,
возвѣщая тайну зла:
Вся она, въ горѣньи трупа,
Мной замышлена была.

Это я изъ бездны мрачной
вихри знойные воззвалъ,
И себя цѣпями жизни
для чего-то оковалъ.

И среди нѣмыхъ раздолій,
гдѣ царилъ сѣдой Хаосъ,
Это Я своею волей
жизнь къ сознанію вознесъ.

Томленья злого
На сердцѣ тѣнь,—
Восходитъ снова
Постылый день,
Моя лампада
Погасла вновь,
И гдѣ отрада?
И гдѣ любовь?

Рабомъ недужнымъ
Пойду опять
Въ трудѣ ненужномъ
Изнемогать,
Ожесточенье
Проснется вновь,
И гдѣ терпѣнье?
И гдѣ любовь?

Недотыкомка сѣрая
Все вокругъ меня вьется да вертится,—
То не лихо-ль со мною очертится
Во единый погибельный кругъ?

Недотыкомка сѣрая
Истомила коварной улыбкою,
Истомила присядкою зыбкою,—
Помоги мнѣ, таинственный другъ.

Недотыкомку сѣрую
Отгони ты волшебными чарами,
Или на отмашь, что-ли, ударами,
Или словомъ завѣтнымъ какимъ.

Недотыкомку сѣрую
Хоть со мной умертви ты, ехидную,
Чтобъ она хоть въ тоску панихидную
Не ругалась надъ прахомъ моимъ.

Вздымалося облако пыли,
Багровое, злое, какъ я,
Скрывая постылыя были,
Такія жъ, какъ сказка моя.

По улицамъ люди ходили,
Такіе же злые, какъ я,
И злую тоску наводили,
Такую же злую, какъ я.

И шла мнѣ навстрѣчу царица,
Такая же злая, какъ я,
И съ нею безумная жрица,
Такая же злая, какъ я.

И чары несли онѣ, обѣ
Такія же злыя, какъ я,
Смѣяся въ ликующей злобѣ,
Такой же, какъ злоба моя.

Пылали безумныя лица
Такой же тоской, какъ моя,
И злая изъ чаръ небылица
Вставала, какъ правда моя.

Змѣиной, растоптанной злобѣ,
Такой же, какъ злоба моя,
Смѣялись безумныя обѣ,
Такія же злыя, какъ я.

Въ багряности поднятой пыли,
Такой же безумной, какъ я,
Царица и жрица укрыли
Такую жъ тоску, какъ моя.

По улицамъ люди ходили,
Такіе же злые, какъ я,
Тая безнадежныя были,
Такія жъ, какъ сказка моя.

ЧОРТОВЫ КАЧЕЛИ.

Въ тѣни косматой ели,
Надъ шумною рѣкой
Качаетъ чортъ качели
Мохнатою рукой.

Качаетъ и смѣется,
    Впередъ, назадъ,
    Впередъ, назадъ,
Доска скрипитъ и гнется,
О сукъ тяжелый трется
Натянутый канатъ.

Снуетъ съ протяжнымъ скрипомъ
Шатучая доска,
И чортъ хохочетъ съ хрипомъ,
Хватаясь за бока.

Держусь, томлюсь, качаюсь,
    Впередъ, назадъ,
    Впередъ, назадъ,
Хватаюсь и мотаюсь,
И отвести стараюсь
Отъ чорта томный взглядъ.

Надъ верхомъ темной ели
Хохочетъ голубой:
— Попался на качели,
Качайся, чортъ съ тобой.—

Въ тѣни косматой ели
Визжатъ, кружась гурьбой:
— Попался на качели,
Качайся, чортъ съ тобой.—

Я знаю, чортъ не броситъ
Стремительной доски,
Пока меня не скоситъ
Грозящій взмахъ руки,

Пока не перетрется,
Крутяся, конопля,
Пока не подвернется
Ко мнѣ моя земля.

Взлечу я выше ели,
И лбомъ о землю трахъ.
Качай же, чортъ, качели,
Все выше, выше... ахъ!

Живы дѣти, только дѣти,—
Мы мертвы, давно мертвы.
Смерть шатается на свѣтѣ,
И махаетъ, словно плетью,
Уплетенной туго сѣтью
Возлѣ каждой головы.

Хоть и дастъ она отсрочку,—
Годъ, недѣлю или ночь,
Но поставитъ все же точку,
И укатитъ въ черной тачкѣ,
Сотрясая въ дикой скачкѣ,
Изъ земного міра прочь.

Торопись дышать сильнѣе,
Жди,—придетъ и твой чередъ.
Задыхайся, цѣпенѣя,
Леденѣя передъ нею.
Срокъ пройдетъ,—подставишь шею,—
Ночь, недѣля или годъ.

Былъ просторъ небесъ огроменъ,
А въ лѣсу былъ воздухъ томенъ,
Благовонныхъ полонъ смолъ.
Омраченный думой строгой,
Кто-то шелъ лѣсной дорогой,
За собой кого-то велъ.

Точно выходцы изъ гроба,
Шли они, молчали оба.
Въ струяхъ воздуха текла,
Тяжела, какъ ладанъ дымный,
Всѣ земные наши гимны
Растворившая смола.

На сѣрой кучѣ сора,
У пыльнаго забора,
На улицѣ глухой
Цвѣтетъ въ исходѣ мая,
Красою не прельщая,
Угрюмый звѣробой.

Въ скитаніяхъ ненужныхъ,
Въ страданіяхъ недужныхъ,
На скудной почвѣ золъ,
Внѣ свѣтлыхъ впечатлѣній
Безрадостный мой геній
Томительно расцвѣлъ.

Мы были праздничныя дѣти,
Сестра и я.
Плела намъ радужныя сѣти
Коварная Змѣя.

Стояли мы, играть не смѣя
На праздникѣ Весны.
У злого, радостнаго Змѣя
Отравленные Сны.

Хоть бѣдныхъ раковинъ случайно
Набрать бы у ручья,—
Нѣтъ, умираемъ, плача тайно,
Сестра и я.

Что было, будетъ вновь,
Что было, будетъ не однажды.
Съ водой смѣшаю кровь
Устамъ, томящимся отъ жажды.

Придетъ съ высокихъ горъ.
Я жду. Я знаю,—не обманетъ.
Глубокъ зовущій взоръ.
Стилетъ остеръ, и сладко ранитъ.

Моихъ коснется плечъ.
Приникнетъ въ тайнѣ бездыханной.
Потомъ затопитъ печь,
И тихо сядетъ ждать за ванной.

Звенящія струи
Прольетъ, открывъ неспѣшно краны,
И брызнетъ на мои
Легко означенныя раны.

И дверь мою замкнетъ,
И тайной зачаруетъ стѣны,
И томная войдетъ
Въ мои пустѣющія вены.

Съ водой смѣшаю кровь
Устамъ, изсохнувшимъ отъ жажды.
Что было, будетъ вновь.
Что было, будетъ не однажды.

V

О, смерть! я твой. Повсюду вижу
Одну тебя,—и ненавижу
Очарованія земли.
Людскіе чужды мнѣ восторги,
Сраженья, праздники и торги,
Весь этотъ шумъ въ земной пыли.

Твоей сестры несправедливой,
Ничтожной жизни, робкой, лживой,
Отринулъ я издавна власть.
Не мнѣ, обвѣянному тайной
Твоей красы необычайной,
Не мнѣ къ ногамъ ея упасть.

Не мнѣ итти на пиръ блестящій,
Огнемъ надменнымъ тяготящій
Мои дремотные глаза,
Когда на нихъ уже упала,
Прозрачнѣй чистаго кристалла,
Твоя холодная слеза.

— Въ оврагѣ, за тою вонъ рощей,
Лежитъ мой маленькій братъ.
Я оставила съ нимъ двухъ куколъ,—
Онѣ его сонъ сторожатъ.

Я боюсь, что онъ очень ушибся,
Я его разбудить не могла.
Я такъ устала, что охотно
Вмѣстѣ бы съ ними легла.

Но надо позвать на помощь,
Чтобы его домой перенести.
Нельзя, чтобы малыя дѣти
Ночевали одни на пути.—

Багряный вечеръ въ сердцѣ воздвигалъ
Алтарь кручины,
И флеромъ грусти тихо обвивалъ
Просторъ долины.

Стояли клены въ тяжкомъ забытьи,
Цвѣты пестрѣли,
Съ травой шептались ясные ручьи,
Струясь безъ цѣли.

Надъ нивой и рѣкой обрывки тучъ
Скользя бѣжали,
И золотилъ ихъ коймы поздній лучъ
Зарей печали.

Ускользающей цѣли
Обольщающій свѣтъ,
И ревнивой метели
Угрожающій бредъ...

Или время крылато?
Или силъ нѣтъ во мнѣ?
Все, чѣмъ жилъ я когда-то,
Словно было во снѣ.

Замыкаются двери,—
И темнѣетъ кругомъ,—
И утраты, потери,
И безсильно умремъ.

Истеченіе чую
Холодѣющихъ силъ,
И тоску вѣковую
Безпощадныхъ могилъ.

Пришла, и розы разсыпаешь,
Свирѣльно клича мертвеца,
И взоры страстные склоняешь
На блѣдность моего лица.

Но какъ ни сладки поцѣлуи,
Темны мои нѣмые сны.
Уже меня колышутъ струи
Непостижимой глубины.

Багровыя затмили тучи
Лобзаній яркіе лучи,
И что мнѣ въ томъ, что ласки жгучи,
Что поцѣлуи горячи!

Лежу, качаясь въ дивномъ челнѣ,
И темный голосъ надо мной:
— Пора пришла,—обѣтъ исполни,
Возникла я надъ глубиной.—

Благословлять губительныя стрѣлы
И проклинать живящіе лучи,—
Вотъ страшные и тѣсные предѣлы,
Къ инымъ путямъ затеряны ключи.

Въ мучительныхъ безумствуя хуленьяхъ,
Въ безсмысленной безумствуя хвалѣ,
Живи въ безвыходныхъ томленьяхъ,
Влачись на бѣдственной землѣ.

Отравленной стрѣлы вонзилось жало,—
Лобзай ея пернатые края:
Томительно она тебя лобзала,
Когда померкло солнце бытія.

Мы покланялися владыкамъ
И въ блескѣ дня и въ тьмѣ божницъ,
И передъ каждымъ грознымъ ликомъ
Мы робко повергались ницъ.

Владыки гнѣвные грозили,
И расточали громъ и зло,
Порой же милость возносили
Такъ величаво и свѣтло.

Но ихъ неправедная милость,
Какъ ихъ карающая месть,
Могли къ престоламъ лишь унылость,
Тоской вѣнчанную, возвесть.

Мерцалъ вѣнецъ ея жемчужный,
Но свѣтъ его былъ тусклый блескъ,
И вся она была ненужный
И непонятный арабескъ.

Владыкъ встрѣчая льстивымъ кликомъ,—
И кликъ нашъ сотканъ былъ изъ тьмы,—
Въ смятеньи темномъ и великомъ
Чертогъ ея ковали мы.

Свивались пламенныя лица,
Клубилась огненная мгла,
И только тихая Денница
Не поражала и не жгла.

НЮРЕНБЕРГСКІЙ ПАЛАЧЪ.

Кто знаетъ, сколько скуки
Въ искусствѣ палача!
Не брать бы вовсе въ руки
Тяжелаго меча.

И я учился въ школѣ
Въ стѣнахъ монастыря,
Отъ мудрости и боли
Томительно горя.

Но путь науки строгой
Я въ юности отвергъ,
И вольною дорогой
Пришелъ я въ Нюренбергъ.

На площади казнили:
У чьихъ-то смуглыхъ плечъ
Въ багряно-мглистой пыли
Сверкнулъ широкій мечъ.

Меня прельстила алость
Казнящаго меча
И томная усталость
Сѣдого палача.

Пришелъ къ нему, учился
Владѣть его мечомъ,
И въ дочь его влюбился,
И сталъ я палачомъ.

Народною боязнью
Лишенный вольныхъ встрѣчъ,
Одинъ предъ каждой казнью
Точу мой темный мечъ.

Одинъ взойду на помостъ
Росистымъ утромъ я,
Пока спокоенъ дома
Строгій судія.

Свяжу веревкой руки
У жертвы палача.
О, сколько тусклой скуки
Въ сверканіи меча!

Ударъ меча обрушу,
И хрустнутъ позвонки,
И кто-то броситъ душу
Въ размахъ моей руки.

И хлынетъ токъ багряный,
И, тяжкій трупъ влача,
Возникнетъ кто-то рдяный
И темный у меча.

Не опуская взора,
Пойду неспѣшно прочь
Отъ скучнаго позора
Въ мою дневную ночь.

Сурово хмуря брови,
Въ окошко постучу,
И дома жажда крови
Приникнетъ къ палачу.

Мой сынъ покорно ляжетъ
На узкую скамью.
Опять веревка свяжетъ
Тоску мою.

Стенанія и слезы,—
Палачъ – вездѣ палачъ.
О, скучный плескъ березы!
О, скучный дѣтскій плачъ!

Кто знаетъ, сколько скуки
Въ искусствѣ палача!
Не брать бы вовсе въ руки
Тяжелаго меча!

Нѣтъ, не любовь меня влекла,
Не жажда подвига томила,—
Мнѣ наслажденія сулила
Царица радостнаго зла.

Окружена прозрачной дымкой
Порочныхъ сновъ и злыхъ страстей,
Она сошла къ душѣ моей
Ожесточенной нелюдимкой.

И научила презирать
Людскія скучныя забавы,
И чары тайныя вкушать,
Благоуханныя отравы.

Восторговъ тщетныхъ, грезъ ночныхъ
Струи кипучія такъ сладки,—
Но въ сердцѣ копятся отъ нихъ
Противно-горькіе осадки.

Дорогіе наряды,
Искрометные камни и розы,
Но какіе суровые взгляды,
И какія въ нихъ злыя угрозы!

Въ эту ночь опьянѣнья
Ты опять, ты опять предо мною
Съ непреклоннымъ укоромъ презрѣнья,
Съ недосказанной былью больною.

Для чего истомила
Ты загадкой меня невозможной,
И желанья мои отравила
Ворожбой непонятной и ложной?

Проклинаю нѣмую
Безучастность лица неземного,
И смотрю на тебя, роковую,
Ожидая послѣдняго слова.

Я любви къ тебѣ не знаю,
Злой и мстительный Драконъ,
Но склоняясь исполняю
Твой незыблемый законъ.

Я облекся знойнымъ тѣломъ,
Зной лучей твоихъ во мнѣ.
Раскаленъ въ каленьи бѣломъ,
Въ красномъ часто я огнѣ.

О, лихорадочное лѣто!
То вѣтра холодъ, то солнца зной.
Холодной мглою земля одѣта,
Ручей смѣется въ тѣни лѣсной.

Онъ притаился въ долинѣ тѣсной.
Ему забавно, что много тучъ.
Ему противенъ змѣй небесный,—
Какъ мечъ разящій,—блестящій лучъ.

Не стоитъ-ли кто за угломъ?
Не глядитъ-ли кто на меня?
Посмотрѣть не смѣю кругомъ,
И зажечь не смѣю огня.

Вотъ подходитъ кто-то въ потьмахъ,
Но не слышны злые шаги.
О, зачѣмъ томительный страхъ?
И къ кому воззвать: помоги?

Не поможетъ, знаю, никто,
Да и чѣмъ и какъ-же помочь?
Предо мною темнѣетъ ничто,
Ужасаетъ мрачная ночь.

Былъ глазъ чудовища нелѣпъ,—
Костеръ у берега морского,—
И, было небо точно склепъ
Въ дому художника сѣдого.

И, кто мечталъ на берегу,
Огнемъ и пепломъ зачарованъ,
Тотъ былъ опять въ нѣмомъ кругу,
Въ ночномъ кругу опять закованъ.

Надъ золотымъ огнемъ костра,
Отвѣтомъ робкому вопросу,
Я видѣлъ, милая сестра,
Твою взметнувшуюся косу.

Блеснувъ унынью моему
Мгновенно ясною улыбкой,
Ты убѣжала снова въ тьму,
Какъ будто ты была ошибкой.

Какъ будто здѣсь на берегу
Не надо яркаго мельканья,
Ни огневого полыханья,
Ни смѣха въ пламенномъ кругу.

Кто на волѣ? Кто въ плѣну?
Кто своей судьбою правитъ?
Кто чужую волю славитъ,
Цѣпь куя звено къ звену?

Кто рабы и кто владыки?
Кто наемникъ? Кто творецъ?
Покажите наконецъ,
Снявъ личины, ваши лики.

Но, какъ прежде, все темно.
Въ душныхъ весяхъ и въ пустынѣ
Мы нѣмотствуемъ и нынѣ,
Цѣпь куя къ звену звено.

Нѣтъ великаго Владыки.
Празденъ тронъ, и нѣмъ дворецъ.
Опечаленный творецъ
Далъ личины, отнялъ лики.

Невнятною, темною рѣчью
Мнѣ кто-то коварно открылъ
И злобную ложь человѣчью,
И правду таинственныхъ силъ.

Страшна мнѣ неправда людская,
Страшны и вершины святынь,—
Иду я одинъ, убѣгая
Въ безмолвіе тайныхъ пустынь.

Цвѣты роняютъ вешній ароматъ,
Слова теряютъ смыслъ первоначальный.
Смѣнился юный пылъ досадою печальной,
И пѣсни прежнія докучливо звучатъ, —

И лишь позоръ нагого преступленья
Заманчивъ, какъ всегда,
И сладко намъ нѣмое изступленье
Безумства и стыда.

Въ его саду растетъ рябина.
Въ его дому живетъ кручина.
На немъ изношенный кафтанъ.
Глаза окутаны туманомъ,
Какъ будто налито шафраномъ
Лицо, и согнутъ тощій станъ.

Надежда милая убита,
И что отъ бѣдъ ему защита?
Терпѣть судьба ему велитъ.
Передъ его печальной хатой,
Враждебной властію заклятой,
Рябина горькая стоитъ.

...Не рождена притворствомъ
Больная пѣснь моей тоски:
Ея жестокіе тиски
Ни трудовымъ моимъ упорствомъ,
Ни звонкой радостью весны
Не могутъ быть побѣждены.

Ея зародыши глубоки,
Ее посѣяли пороки,
И скорбь слезами облила,
И солнце правды безпощадной
Даруетъ жизни безотрадной
Довольно свѣта и тепла.

Мы устали преслѣдовать цѣли,
На работу затрачивать силы,—
Мы созрѣли
Для могилы.

Отдадимся могилѣ безъ спора,
Какъ малютки своей колыбели,—
Мы истлѣемъ въ ней скоро,
И безъ цѣли.

Я ждалъ, что вспыхнетъ впереди
Заря, и жизнь свой ликъ покажетъ
И нѣжно скажетъ:
«Иди!»

Безъ жизни отжилъ я, и жду,
Что смерть свой блѣдный ликъ покажетъ
И грозно скажетъ:
«Иду!»

Многоцвѣтная ложь бытія,
Я бороться съ тобой не хочу.
Пресмыкаюсь томительно я,
Какъ больная и злая змѣя,
И молчу, сиротливо молчу.

У подножья нахмуренныхъ скалъ,
По разсѣлинамъ мглисто-сырымъ
Мой отверженный путь пролегалъ.
Тамъ когда-то я съ вѣрой внималъ
Голосамъ и громамъ роковымъ.

А теперь, какъ больная змѣя,
По разсѣлинамъ мглисто сырымъ
Пробираюсь медлительно я.
Многоцвѣтная ложь бытія,
Я отравленъ дыханьемъ твоимъ.

На распутьи зломъ и дикомъ
Въ темный часъ я тихо жду.
Вѣщій воронъ хриплымъ крикомъ
На меня зоветъ бѣду,
А на небѣ надо мною
Только грустная луна,
И тоскуетъ ночь со мною,
И томится тишина.

Отъ луны мерцанье въ росахъ,
И бѣлѣетъ мгла вокругъ.
Тихо чертитъ вѣрный посохъ
По землѣ волшебный кругъ.
Сомкнутъ кругъ,—и нѣтъ печали
Въ тѣсной области моей,—
Позабыты всѣ печали
Утомленьемъ горькихъ дней.

Онъ изъ тьмы выходитъ. Другъ-ли
Мнѣ онъ тайный, или врагъ?
У него глаза, какъ угли,
Теменъ ликъ, и зыбокъ шагъ.
Я за дивною чертою
Для него недостижимъ,—
И стоитъ онъ за чертою,
Темный, зыбкій, весь, какъ дымъ.

Онъ смѣется, и не хочетъ
Въ темный часъ признать меня.
Онъ томленья мнѣ пророчитъ,
Взоръ свой пламенный склоня,—
И во мглу съ недобрымъ словомъ
Отъ меня отходитъ онъ,—
Я его зловѣщимъ словомъ,
Вражьимъ словомъ не смущенъ.

Мнѣ подъ солнцемъ горе мыкать
День за днемъ не привыкать.
Ночь придетъ — я буду кликать
Въ темный часъ его опять,
Чтобъ за дивною чертою
Погадать, поворожить,—
Только здѣсь лишь, за чертою,
Мнѣ, усталому, и жить.

Люблю блуждать я надъ трясиною
Дрожащимъ огонькомъ,
Люблю за липкой паутиною
Таиться паукомъ,
Люблю летать я въ полѣ оводомъ
И жалить лошадей,
Люблю быть явнымъ, тайнымъ поводомъ
Къ мученію людей.
Я злой, больной, безумно-мстительный,
За то томлюсь и самъ.
Мой тихій стонъ, мой вопль медлительный,—
Укоры небесамъ.
Судьба дала мнѣ плоть растлѣнную,
Отравленную кровь.
Я возлюбилъ мечтою плѣнною
Безумную любовь.

Мои порочныя томленія,
Все то, чѣмъ я прельщенъ,—
Въ могучихъ чарахъ навожденія
Многообразный сонъ.
Но онъ томитъ больной обидою.
Итти путемъ однимъ
Мнѣ тѣсно. Всѣмъ во всемъ завидую,
И стать хочу инымъ.

Столкновеніе бѣшеныхъ воль,
Сочетаніе воплей и стона.
Прокаженнаго радуетъ боль,
Какъ сіяніе злого дракона.

Онъ лицо поднимаетъ къ лучамъ,
Оструплѣлыя тянетъ онъ руки,
И смѣется жестокимъ бичамъ,
И привѣтствуетъ дикія муки.

Утѣшаетъ несносная боль,
Голосъ бѣшеной жизни отраденъ,—
И просыпалась жгучая соль
На сплетенье безчисленныхъ ссадинъ.

На гулкихъ улицахъ столицы
Трепещутъ крылья робкихъ птицъ,
И развернулись вереницы
Угрюмыхъ и печальныхъ лицъ.

Подъ яркой маской злого свѣта
Блеститъ торжественно глазетъ.
Идетъ, вся въ черное одѣта,
Жена за тѣмъ, кого ужъ нѣтъ.

Мальчишки съ пѣснею печальной
Бредутъ въ томительную даль
Предъ колесницей погребальной,
Но имъ покойника не жаль.

Вотъ у витрины показной
Стоитъ, любуясь, мальчикъ бѣдный.
Какой онъ худенькій, и блѣдный,
И некрасивый, и больной!

Блестятъ завистливо и жадно
Его широкіе глаза.
Порой сверкнетъ на нихъ слеза,
И онъ вздыхаетъ безотрадно.

Вотъ наглядѣлся онъ, идетъ.
Вокругъ него шумитъ столица.
Мечтаній странныхъ вереница
Въ душѣ встревоженной растетъ.

Онъ теменъ и суровъ,—и взоръ его очей
Пугая чистыхъ дѣвъ и радостныхъ дѣтей,
Прельщаетъ зрѣлыхъ женъ, и отроковъ порочныхъ
Тревожитъ въ сонной мглѣ мечтаній полуночныхъ.

Въ очахъ его тоска, и блѣденъ цвѣтъ лица.
Потупитъ очи онъ,—похожъ на мертвеца.
Черты его лица смѣшны и безобразны,—
Но имъ волнуютъ женъ и отроковъ соблазны.

Въ его устахъ двухсмысленны слова
И на устахъ двухсмысленны улыбки.
Его душа безсильна и мертва,
А помыслы стремительны и зыбки.

Его любить никто не захотѣлъ,
Никто не могъ его возненавидѣть.
Неузнаннымъ пребыть—его удѣлъ,—
Не дѣйствовать, не жить, а только видѣть.

Въ безмолвной пустынѣ,
Гдѣ жаркій песокъ и гранитъ,
Гдѣ небо безоблачно-сине,
Гдѣ жгучее солнце блеститъ,

Стоитъ подъ скалой одиноко
Забытая арфа и ждетъ,
Что вѣтеръ, примчась издалека,
Тихонько въ струнахъ запоетъ.

Встрѣчаетъ пустыня нагая
Нагіе, горючіе дни.
Надъ арфой нѣмой пролетая,
Въ ней звуковъ не будятъ они.

И ночи летятъ торопливо,—
На ихъ молчаливый полетъ
Молчаніе смотритъ ревниво,
И струнъ имъ задѣть не даетъ.

Отчего боятся дѣти,
И чего?
Эти сѣти имъ на свѣтѣ
Ничего.

Вотъ, усталые бояться,
Знаемъ мы,
Что ужъ близкія грозятся
Очи тьмы.

Мурава, и въ ней цвѣточки,
Желтъ, синь, алъ,—
То не чортъ-ли огонечки
Зажигалъ?

Волны бѣлой пѣной плещутъ
На песокъ.
Рыбки зыбкія трепещутъ
Здѣсь у ногъ.

Кто-то манитъ, тянетъ въ море.
Кто же онъ?
Тамъ, гдѣ волны, на просторѣ
Чей же стонъ?

Вы, читающіе много
Мудрыхъ книгъ,
Испытайте точно, строго
Каждый мигъ.

Ахъ, узнайте, прослѣдите
Все, что есть,
И желанную несите
Сердцу вѣсть!

Нѣтъ, и слыша вѣсти эти,
Не поймешь,
Гдѣ же правда въ нашемъ свѣтѣ,
Гдѣ же ложь!

Былыя надежды почили въ безмолвной могилѣ...
Безсильные страхи навстрѣчу таинственной силѣ,
Стремленье къ святынѣ въ безмолвной пустынѣ,
И все преходяще, и все безконечно,
И тайна всемірная нынѣ
И вѣчно...

Въ тяжеломъ томленьи мгновенныя дѣти творенья.
Томятся неяснымъ стремленьемъ нѣмыя растенья,
И голодны звѣри въ лѣсахъ и пустынѣ,
И все преходяще, и все безконечно,
И муки всемірныя нынѣ
И вѣчно.

Туманный день глядитъ въ окно,
Въ душѣ и пасмурно, и строго.
Воспоминанія давно
Стоятъ угрюмо у порога
Изнемогающей души,
Не появляясь, не скрываясь,—
О дняхъ, когда въ нѣмой глуши
Я жилъ, восторгами питаясь,
Далекій призракъ возлюбя,
Мечтою обнимая тѣни,
И жизнь недужную губя
Подъ гнетомъ страстности и лѣни.

Былъ широкій путь къ подножью
Вѣчно вольныхъ, дальнихъ скалъ,—
Этотъ путь онъ злою ложью,
Злою ложью заграждалъ.
То скрывался онъ за далью,
То являлся изъ могилъ,
И повсюду мнѣ печалью,
Онъ печалью мнѣ грозилъ,—
И надъ бѣдной, темной нивой
Обыденныхъ, скучныхъ дѣлъ,
День тоскливый и лѣнивый,
День лѣнивый потускнѣлъ.

Въ полумракѣ я томился
Бездыханной тишиной.
Ночь настала, и раскрылся,
И раскрылся міръ ночной.
Надо мной у ночи крылья
Выростали все темнѣй
Отъ тяжелаго безсилья,
Отъ безсилья злыхъ огней.
И печально, и сурово,
Издалека въ мертвый край
Повелительное слово
Вѣетъ, слово: умирай.

Мѣсяцъ всталъ, и пламенѣетъ
Утѣшеньемъ въ сонной мглѣ.
Все далекое свѣтлѣетъ.
Все свѣтлѣетъ на землѣ.
Отуманенныя дали
Внемлютъ сладкой тишинѣ,
И томительной печали,
Злой печали нѣтъ во мнѣ.
Все томленіе, все страданье,
Трудъ и скорбь, и думы всѣ,—
Все преходитъ, какъ мерцанье,
Какъ мерцанье на росѣ.

Торжественной праздности чадо,
Утѣха лачугъ и палатъ,
Смѣяться и плакать ты рада,
Созвучья бы только да ладъ.

Тебѣ-ль не дарована сила!
Тебѣ-ль не покорна весна!
Ты всѣ зажигаешь свѣтила,
А ночь холодна и темна.

На улицахъ пусто и тихо,
И окна, и двери закрыты.
Со мною—безумное Лихо,
И нѣтъ отъ него мнѣ защиты.

Оградой желѣзной и мѣдной
Замкнулся отъ нищихъ богатый.
Я—странникъ унылый и блѣдный,
А Лихо—мой вѣрный вожатый.

И съ нимъ я разстаться не смѣю.
На улицахъ пусто и тихо.
Пойдемъ же дорогой своею,
Косматое, дикое Лихо!

Вѣрить обѣтамъ пустыннымъ
Бѣдное сердце устало.
Темнымъ, томительно-длиннымъ
Ты предо мною предстало,—

Ты, неразумное, злое,
Вѣчно-голодное Лихо.
На роковомъ аналоѣ
Сердце терзается тихо.

Звякаетъ въ дымѣ кадило,
Ладанъ возносится синій,—
Ты не росою кропило,
Сыпало мстительный иней.

Истомилъ меня пасмурный день,
Извела одинокая скука.
Неотступна чуть видная тѣнь,—
Повтореній томящихъ порука.

Впечатлѣній навязчивыхъ сѣть...
Разорвать бы постылыя петли!
Не молитвой-ли сердце согрѣть?
О веселыхъ надеждахъ не спѣть ли?

Но молитвы забыты давно,
И наскучили пѣсни былыя,
Потому-что на сердцѣ темно,
Да и думы—такія все злыя!

Думы черныя лелѣю,
Грустно грежу на яву,
Темной жизни не жалѣю,
Ткани призрачныя рву,

Ткани юныхъ упованій
И туманныхъ дѣтскихъ сновъ;
Чуждый суетныхъ желаній,
Умереть давно готовъ.

Грустно грежу, скорбь лелѣю,
Паутину жизни рву,
И дознаться не умѣю,
Для чего и чѣмъ живу.

Небо желто-красное зимняго заката,
Колокола гулкаго заунывный звонъ...
Мысли, проходящія смутно, безъ возврата,
Сердца наболѣвшаго неумолчный стонъ...

Снѣгомъ занесенныя, улицы пустыя,
Плачу колокольному внемлющая тишь...
Изъ окошка вижу я кудри дымовыя,
Вереницы тѣсныя деревянныхъ крышъ.

Воздухъ жгучимъ холодомъ чародѣйно скованъ.
Что-то есть зловѣщее въ этой тишинѣ.
Грустью ожиданія разумъ очарованъ.
Образы минувшаго снова снятся мнѣ.

Навѣкъ налаженъ въ рамкахъ тѣсныхъ
Строй жизни пасмурной, нѣмой.
Недостижимѣй звѣздъ небесныхъ
Свободной жизни блескъ и зной.

Одной мечтою въ часъ досуга
Я обтекаю вольный свѣтъ,
Гдѣ мнѣ ни подвига, ни друга,
Ни наслажденій бодрыхъ нѣтъ.

Томясь въ завистливой печали,
Слѣжу задумчиво тогда,
Какъ выплываютъ изъ-за дали
Деревни, степи, города.

Мелькаютъ лица, платья вѣютъ,
Смѣются дѣти, солнце жжетъ,
Шумятъ стада, поля пестрѣютъ,
Несутся кони, пыль встаетъ...

Ручья лѣсного нѣжный ропотъ
Смѣняетъ рынка смутный гулъ.
Признанія стыдливый шопотъ
Въ базарныхъ крикахъ потонулъ.

Когда я въ бурномъ морѣ плавалъ,
И мой корабль пошелъ ко дну,
Я такъ воззвалъ:—Отецъ мой Дьяволъ,
Спаси, помилуй,—я тону.

— Не дай погибнуть раньше срока
Душѣ озлобленной моей,—
Я власти темнаго порока
Отдамъ остатокъ черныхъ дней.—

И Дьяволъ взялъ меня, и бросилъ
Въ полуистлѣвшую ладью.
Я тамъ нашелъ и пару веселъ,
И сѣрый парусъ, и скамью.

И вынесъ я опять на сушу,
Въ больное, злое житіе,
Мою отверженную душу
И тѣло грѣшное мое.

И вѣренъ я, отецъ мой, Дьяволъ,
Обѣту, данному въ злой часъ,
Когда я въ бурномъ морѣ плавалъ,
И Ты меня изъ бездны спасъ.

Тебя, отецъ мой, я прославлю
Въ укоръ неправедному дню,
Хулу надъ міромъ я возставлю,
И соблазняя соблазню.

О, царица моя! Кто же ты? Гдѣ же ты?
По какимъ заповѣднымъ иль торнымъ путямъ
Пробираться къ тебѣ? Обманули мечты,
Обманули труды, а уму не повѣрю я самъ.

Молодая вдова о почившемъ не можетъ, не хочетъ скорбѣть.
Преждевременно дѣва все знаетъ,—и счастье ее не манитъ
Содрогаясь отъ холода, клянчитъ старуха, и прячетъ истертую мѣдь.
Замирающій городъ туманомъ и мглою повитъ.

Умирая, томятся въ гирляндахъ живые цвѣты.
Поблѣднѣвшій колодникъ сбѣжавшій прилегъ отдыхая въ лѣсу у ручья.

Кто же ты,
Чаровница моя?

О любви вдохновенно поетъ на подмосткахъ поблекшій пѣвецъ.
Величаво идетъ въ равнодушной толпѣ молодая жена.
Что-то въ воду упало,—бѣгутъ роковые обломки колецъ.
Одинокая, спѣшная ночь и трудна и больна.

Сколько странныхъ видѣній, и странныхъ, недужныхъ тревогъ!
Кто же ты, гдѣ же ты, чаровница моя?
Недоступенъ ли твой свѣтозарный чертогъ?
Или встрѣчу тебя, о, царица моя?

ВЫБОРЪ.

На перепутьи бытія,
Томясь таинственной тревогой,
Стоялъ, и долго думалъ я,
Какою мнѣ итти дорогой.

И появились предо мной
Два духа: свѣтлый духъ мечтаній,
Сіявшій горней бѣлизной,
И строгій духъ земныхъ исканій.

Надежды радостной фіалъ
Отъ духа нѣжнаго я взялъ,
И на фіалѣ надпись: слава.
Не отрываясь, грезы пью,—
И вотъ, холодная отрава
Сгущаетъ быстро кровь мою.

Я вижу, выборъ былъ ошибкой,—
И кубокъ падаетъ, звеня,
А геній жизни отъ меня
Летитъ съ презрительной улыбкой.

Полонъ дикими мечтами,
Устремилъ я взоры въ твердь,
Гдѣ лазурными очами
И блестящими лучами
Улыбается мнѣ смерть.

Тамъ прозрачно тучи таютъ,
Тамъ покорно и мертво,
Тамъ багряно умираютъ
Грезы сердца моего.

На лицо мое упали
Безпощадные лучи,—
Какъ могучій вопль печали,
Безотрадно горячи.

Укоризненно и строго
Смерть мнѣ шлетъ въ нихъ свой отказъ:
„Жди,—не кончена дорога,
Не насталъ еще твой часъ“.

Вся горитъ и вся сверкаетъ
Залитая солнцемъ твердь,
Гдѣ въ пустой дали сіяетъ
Утѣшительница-смерть.

Судьба была неумолима,
Но знаю я,—вина—моя.
Пройдите съ отвращеньемъ мимо.
И это горе вызвалъ я.

Я зналъ святое превосходство
Первоначальной чистоты,
Но въ жизни воплотилъ уродство
Моей отравленной мечты.

Когда окликнулись впервые
Другъ другу птичьи голоса,—
Когда на сказки заревыя
Смѣялась первая роса,—

Когда отъ счастья задрожала
Еще невинная змѣя,—
Вложилъ отравленное жало
Въ лобзанья устъ змѣиныхъ я.

Я былъ одинъ во всей природѣ,
Кто захотѣлъ тоски и зла,
Кто позавидовалъ свободѣ,
Обнявшей дѣтскія тѣла.

Одинъ, жестокій и надменный,
На міръ невзгоды я навлекъ.
Несовершенства всей вселенной
Въ вѣкахъ лишь только мнѣ упрекъ.

Въ пути безрадостномъ, среди нѣмой пустыни
Предстала предо мной
Мечта порочная, принявши видъ богини
Прекрасной и нагой.

Рукою нѣжной разливала
Изъ тонкаго фіала
Куренья дымныя она,
И серебристо обвивала
Ее туманная волна,

И, гдѣ она ногою голой
Касалася сухой земли,
Тамъ грѣшные цвѣты толпой веселой
Безстыдные, пахучіе цвѣли.

И, предо мной склонившись, какъ рабыня,
Она меня къ грѣху таинственно звала,—
И скучной стала мнѣ житейская пустыня,
И жажда дѣлъ великихъ умерла.

О, забвеніе! низойди, обмани!
Въ воспоминаніяхъ тягостны дни.

Прегрѣшенія выше горъ.
Въ заблужденіяхъ обидный позоръ.

Если счастье манило, оно ушло.
Всѣ дары жизнь разбила, какъ стекло.

О, забвеніе! если-бы все стереть!
Если-бъ все прошлое могло умереть!

Но судьба говоритъ:—Только съ тобой.
Умри, и все прошлое уведи съ собой.—

— День туманный
Настаетъ,
Мой желанный
Не идетъ.
Мгла вокругъ.
На порогѣ
Я стою,
Вся въ тревогѣ,
И пою.
Гдѣ-жъ мой другъ?

Холодъ вѣетъ,
Садъ мой пустъ,
Сиротѣетъ
Каждый кустъ.
Скучно мнѣ.

Распрощался
Ты легко,
И умчался
Далеко
На конѣ.

По дорогѣ
Я гляжу,
Вся въ тревогѣ,
Вся дрожу,—
Милый мой!
Долго стану
Слезы лить,
Въ сердцѣ рану
Бередить,—
Богъ съ тобой!—

Вывѣски цвѣтныя,
Буквы золотыя,
Солнцемъ залитыя,
Магазиновъ рядъ
Съ бойкою продажей,
Грохотъ экипажей,—
Городъ солнцу радъ.

Но въ толпѣ шумливой,
Гордой и счастливой,
Вижу я стыдливой,
Робкой нищеты
Скорбныя примѣты:
Грубые предметы,
Темныя черты.

Садъ чародѣйныхъ прохладъ
ароматами сладкими дышетъ.
Звонко смѣется фонтанъ,
и серебряный вѣеръ колышетъ.
Зыблется тихо гамакъ,
призакрытый отрадною тѣнью.
Дѣва, качаясь, лежитъ,
убаюкана счастьемъ и лѣнью.

Прутья рѣшетки стальной
надъ кремнистой дорогою блещутъ.
Пыльные вихри встаютъ,
и полуденной злобой трепещутъ.
Къ прочной рѣшеткѣ прильнулъ
и задумался юноша кроткій.
Грустенъ и труденъ твой путь
передъ запертой крѣпко рѣшеткой.

Придешь ли ты ко мнѣ, далекій, тайный другъ?
Зову тебя давно. Безсонными мечтами
Давно замкнулся я въ недостижимый кругъ,—
И только ты одинъ, легчайшими руками
Ты разорвешь его, мой тайный, дальній другъ.

Я жду, и жизнь моя темна, какъ смутный бредъ,
Толпятся чудища передъ завѣтнымъ кругомъ,
И мнѣ грозятъ они, и затмеваютъ свѣтъ,
И вѣютъ холодомъ, печалью да испугомъ.
Мнѣ тяжко безъ тебя, вся жизнь моя, какъ бредъ.

Сгораетъ день за днемъ, за ночью тлѣетъ ночь,—
Мерцаетъ впереди непостижимымъ свѣтомъ
Гора, куда взойти давно ужъ мнѣ не вмочь.
О, милый, тайный другъ, повѣрь моимъ обѣтамъ,
И посѣти меня въ тоскующую ночь.

Вчера въ безсиліе печали
Я былъ угрюмо погруженъ,—
Докучныя слова звучали,
И чьи-то тяжкіе шаги.

Изъ-за угла за мной слѣдили
Глаза неутомимыхъ женъ,
За мной по улицамъ ходили
Неумолимые враги.

Въ безпредѣльности пространства
Гдѣ-то есть земля иная,
И на ней моя невѣста,
Къ небу очи подымая,

Какъ и я же, ищетъ взоромъ
Чуть замѣтнаго свѣтила,
Подъ которымъ мнѣ томиться
Участь горькая судила.

Люби меня, люби, холодная луна!
Пусть въ небѣ обо мнѣ твой рогъ жемчужный трубитъ,
Когда восходишь ты, ясна и холодна.
На этой злой землѣ никто меня не любитъ.

Да будетъ ночь твоя въ мерцаніи свѣтилъ!
Отверженецъ земли, тоскующій и кроткій,
О, сколько разъ во тьмѣ я за тобой слѣдилъ,
Любуяся твоей стремительною лодкой!

Потомъ я шелъ опять въ докучный ропотъ дня,—
И трудъ меня томилъ, и путь мой былъ безцѣленъ.
Твой свѣтъ въ моей душѣ струился, мглисто-зеленъ.
Холодная луна, люби, люби меня!

Для кого прозвучалъ
Мой томительный голосъ?
Какъ подрѣзанный колосъ,
Я безсильно упалъ.

Я прошелъ по землѣ
Неразгаданной тайной,
И какъ свѣтъ не случайный
Въ опечаленной мглѣ.

Я къ Отцу возвращаюсь,
Я затеплилъ свѣчу,
И ничѣмъ не прельщаюсь:
Ничего не хочу.

Мой таинственный голосъ
Для кого прозвучалъ?
Какъ подрѣзанный колосъ,
Я на землю упалъ.

Я не слышу отвѣта,
Одинокій иду,
И отъ міра не жду
Ни привѣта, ни свѣта.

Я затеплилъ свѣчу,
И къ Отцу возвращаюсь,
Ничего не хочу,
И ничѣмъ не прельщаюсь.

Маленькіе кусочки счастья, не взялъ ли я васъ
отъ жизни?

Дивныя и мудрыя книги,
таинственныя очарованія музыки,
умилительныя молитвы,
невинныя, милыя дѣтскія лица,
сладостныя благоуханія,
и звѣзды,—недоступныя, ясныя звѣзды!

О, фрагменты счастья, не взялъ ли я васъ отъ
жизни!

Что же ты плачешь, мое сердце, что же ты ропщешь

Ты жалуешься:
«Краткимъ,
и болѣе горькимъ, чѣмъ сладкимъ,
обманомъ промчалась жизнь,
и ея нѣтъ».

Успокойся, сердце мое, замолчи.
Твои біенія меня утомили.
И уже воля моя отходитъ отъ меня.

Мнѣ сегодня нездоровится;
Злая немочь-ли готовится
Одолѣть меня?
Съ торопливой лихорадкою
Поцѣлуюсь ли украдкою
На закатѣ дня?

Но не страшно мнѣ томленіе, —
Это легкое круженіе
Я ужъ испыталъ.
Забывается досадное,
Вспоминается отрадное,
Кротокъ я и малъ.

Что велятъ мнѣ, то и сдѣлаю:
То сидѣлка-ль съ банкой цѣлою
Горькаго питья,
Или смерть у изголовія, —
Всѣмъ готовъ безъ прекословія
Покоряться я.

Благословляю сладкій ядъ
Въ моей росѣ благоуханной.
Чаруя утомленный взглядъ
Мечтой о родинѣ желанной,
Цвѣтокъ, струящій сладкій ядъ,
Обвѣянъ дремою туманной.

И если ядъ разлитъ въ росѣ,
Въ его слезѣ благоуханной,
И утѣшеніе въ красѣ
Безумной и внезапно странной,
Благословенъ въ его росѣ
По волѣ сладостно избранный.

Въ его отравленной росѣ
Благословляю жребій вольный.
Къ его таинственной красѣ,
Безумно злой и безглагольной,
Я устремляю думы всѣ
Въ моей задумчивости дольной.

И тихо наклоняюсь я,
Грустя въ задумчивости дольной,
Къ послѣднимъ склонамъ бытія,
Къ предѣламъ жизни своевольной.
Вотъ, жизнь безумная моя,
Сладчайшій ядъ для смерти вольной.

Онъ не знаетъ, но хочетъ, —
Оттого возрастаетъ, цвѣтетъ,
Ароматныя сладости точитъ,
И покорно умретъ.
Онъ не знаетъ, но хочетъ.

Непреклонная воля
Родилася во тьмѣ.
Только выбрана доля —
Та иль эта — въ умѣ.
Но темна непреклонная воля.

Умереть или жить,
Расцвѣсти ль, зазвенѣть ли,
Завязать ли жемчужную нить,
Разорвать ли лазурныя петли,
Все равно — умереть или жить.

Невинный цвѣтъ и грѣшный ароматъ
Левкоя
Плѣнительнымъ желаніемъ томятъ
Покоя.

Такъ сладостно склоняться въ полуснѣ
Подъ тѣнью
Къ желанному и радостному мнѣ
Забвенью, —

Простивши все, что было въ жизни зломъ
И мукой,
Стереть и память даже о быломъ
Разлукой.

Предметы предметнаго міра, —
И солнце, и путь, и луна,
И всѣ колебанья эфира,
И всякая здѣсь глубина.

И все, что очерчено рѣзко,
Душѣ утомленной моей —
Страшилище звона и блеска,
Застѣнокъ томительныхъ дней.

Отъ свѣта спѣшу я въ чертоги,
Гдѣ тихой мечтою дышу,
Гдѣ вмѣстѣ со мною лишь боги,
Которыхъ я самъ возношу.

Безшумною тканью завѣшенъ
Чертога безмолвный порогъ.
Тамъ грѣхъ мой невинно-безгрѣшенъ,
И весело-свѣтелъ порокъ.

Никто не наложитъ запрета,
И грубое слово ничье
Не броситъ внезапнаго свѣта
На слово иль дѣло мое.

Я древнихъ заклятій не знаю
На той сторонѣ бытія,
И если я кровь проливаю,
То кровь эта — только моя.

Побѣждайте радость,
Умерщвляйте смѣхъ.
Все, въ чемъ только сладость,
Все порокъ и грѣхъ.
Умерщвляйте радость,
Подавляйте смѣхъ.

Кто смѣется? Боги,
Дѣти, да глупцы.
Люди, будьте строги,
Будьте мудрецы,
Пусть смѣются боги,
Дѣти да глупцы.

Забудь, что счастье ненадежно,
Довѣрься мнѣ,
И успокойся безмятежно
Въ блаженномъ снѣ.

Мгновенья сладкія сгорѣли, —
Но что тужить!
Для тайной и высокой цѣли
Намъ надо жить.

Въ обманахъ счастія земного,
Въ кипѣньи силъ,
Ты прелесть таинства иного
Уже вкусилъ.

Дышу дыханьемъ раннихъ росъ,
Зарею ландышей невинныхъ;
Вдыхаю влажный запахъ длинныхъ
Русалочьихъ волосъ, —

Отчетливо и тонко
Я вижу каждый волосокъ;
Я слышу звонкій голосокъ
Погибшаго ребенка.

Она стонала надъ водой,
Когда ее любовникъ бросилъ.
Ея любовникъ молодой
На шею камень ей повѣсилъ.

Заслышавъ шорохъ въ камышахъ
Его ладьи и скрипъ отъ веселъ,
Она низверглась вся въ слезахъ,
А онъ еще былъ буйно веселъ.

И вотъ она передо мной,
Все та же, но совсѣмъ другая,
Надъ озаренной глубиной
Качается нагая.

Рукою вѣтку захвативъ,
Водою заревою плещетъ.
Забыла темные пути
Въ сіяньи утреннемъ, и блещетъ.

И я дышу дыханьемъ росъ,
Благоуханіемъ невиннымъ,
И влажнымъ запахомъ пустыннымъ
Русалкиныхъ волосъ.

Свободный вѣтеръ давно прошумѣлъ
И промчался надо мною,
Долина моя тиха и спокойна, —
А чуткая стрѣла
Надъ гордою башнею возвышеннаго дома
Все обращаетъ свое тонкое остріе
Къ далекой и странной области
Мечты.
Уже и самые острые,
Самые длинные
Лучи
Растаяли въ мглистомъ безмолвіи.
Туманъ поднимается
Надъ топкими берегами рѣки.
Усталыя дѣти чего-то просятъ
И плачутъ.
Наступаетъ
Моя послѣдняя стража.
Дивный край недостижимъ, какъ прежде,
И Я, какъ прежде, только я.

НОЧЬ.

Уныло плавала луна
Въ волнахъ косматыхъ облаковъ,
Рыдала шумная волна
У мрачныхъ береговъ.

Уныло вѣтеръ завывалъ,
Качая вѣтви гибкихъ ивъ, —
На мягкихъ крыльяхъ сонъ леталъ,
Тревоженъ и пугливъ.

КОМАРЪ-ПАЛАЧЪ.

Уйдешь порой изъ солнечной истомы
Въ лѣсной пріютъ, —
Но налетаютъ жалящіе гномы,
И крови ждутъ.

Лѣсной тиранъ, несносная докука,
Комаръ-палачъ!
Твой тонкій пискъ томителенъ, какъ скука,
Какъ дѣтскій плачъ.

Я къ ней пришелъ издалека.
Окрестъ, въ поляхъ, прохлада.
И будетъ смерть моя легка
И слаще яда.

Я взоры томные склонилъ.
Въ траву роса упала.
Еще дышу. Такъ мало силъ.
Такъ жизни мало.

Туманъ восходитъ, — и она
Идетъ, такъ тихо, въ полѣ.
Поетъ, — мнѣ пѣснь ея слышна, —
Поетъ о волѣ.

Пришелъ. Она ко мнѣ близка.
Въ ея очахъ отрада.
И смерть въ рукѣ ея легка
И слаще яда.

Измученный жгучею болью,
Горячею облитый кровью,
Пойми, гдѣ предѣлъ своеволью,—
Я муки сплетаю съ любовью.

Мучительный трудъ я пріемлю
Отъ вѣчной, незыблемой Воли,—
Кто создалъ и небо, и землю,
Тотъ создалъ и таинство боли.

Въ безумномъ восторгѣ мученья
Дрожитъ беззащитное тѣло.
Забыты земныя влеченья,
И всякая похоть сгорѣла.

Вся прелесть и нечисть земная
Свивается призрачнымъ дымомъ.
Единою болью стеная,
Ты равенъ святымъ херувимамъ.

Къ престолу Творца и Владыки
Въ нетлѣнную радость вселенной
Твои воздыханья и крики
Восходятъ хвалою смиренной.

ЛЮЦИФЕРЪ ЧЕЛОВѢКУ.

Гармоніей небесныхъ сферъ
И я заслушивался прежде,
Но ты сказалъ мнѣ:—Люциферъ!
Внемли земной моей надеждѣ.

— Сойди ко мнѣ въ вечерній часъ,
Со мной вблизи лѣсной опушки
Побудь, внимая томный гласъ
Въ лѣсу взывающей кукушки.

— Я повторю тебѣ слова,
Земнымъ взлелѣянныя горемъ.
Томясь тоской, не разъ, не два
Я повѣрялъ ихъ тихимъ зорямъ.

— Къ твоимъ устамъ я вознесу
Мои вечернія отравы
И эту бѣдную росу,
Слезой ложащуюся въ травы.—

И я пришелъ въ вечерній часъ,
Съ тобой, вблизи лѣсной опушки
Стоялъ, внимая томный гласъ
Въ лѣсу взывающей кукушки.

Закатъ былъ нѣжно-тихъ и алъ,
Поля вечернія молчали,
И я съ волненіемъ внималъ
Словамъ земной твоей печали.

Когда въ словахъ звучалъ укоръ,—
О, гдѣ вы, пламенные лики!—
Клонился твой усталый взоръ
Къ цвѣткамъ ромашки и гвоздики.

И я къ землѣ твоей приникъ,
Томясь тоской твоею вешней,—
Да омрачится горній ликъ!
Да будетъ сила въ скорби здѣшней!

Гармонія небесныхъ сферъ
Да будетъ сказкою земною!
Я—свѣтъ землѣ! Я--Люциферъ!
Люби Меня! Иди за Мною!

ЛУННАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ.

Я не знаю много пѣсенъ, знаю пѣсенку одну,
Я спою ее младенцу, отходящему ко сну.

Колыбельку я рукою осторожною качну,
Пѣсенку спою младенцу, отходящему ко сну.

Тихій ангелъ встрепенется, улыбнется, погрозится шалуну,
И шалунъ ему отвѣтитъ: — Ты не бойся, ты не дуйся, я засну.—

Ангелъ сядетъ къ изголовью, улыбаясь шалуну,
Сказки тихія разскажетъ отходящему ко сну.

Онъ про звѣздочки разскажетъ, онъ разскажетъ про луну,
Про цвѣты въ раю высокомъ, про небесную весну,

Промолчитъ про тѣхъ, кто плачетъ, кто томится въ
полону,
Кто закованъ, зачарованъ, кто влюбился въ тишину.

Кто томится, не ложится, долго смотритъ на луну,
Тихо сидя у окошка, долго смотритъ въ вышину,—

Тотъ поникнетъ, и не крикнетъ, и не пикнетъ, и по-
никнетъ въ глубину,
И на рѣчкѣ съ легкимъ плескомъ кругъ за кругомъ
пробѣжитъ волна въ волну.

Я не знаю много пѣсенъ, знаю пѣсенку одну,
Я спою ее младенцу, отходящему ко сну,

Я на ротикъ розъ раскрытыхъ росы тихія стряхну,
Глазки-свѣтики-цвѣточки пѣсней тихою сомкну.

— Зачѣмъ возрастаю? —
Снѣгурка спросила меня:
— Я знаю, что скоро растаю,
Лишь только увижу веселую стаю,
Растаю, по камнямъ звеня,
И ты позабудешь меня. —

Снѣгурка, узнаешь ты скоро,
Что таять легко;
Растаешь, узнаешь, умрешь безъ укора,
Уснешь глубоко.

Въ молчаньи звѣздъ, въ дыханьи вѣтра съ полуночи
Улики явственныя есть.
О духи зла! закройте очи
И не мѣшайте мнѣ безропотно отцвѣсть.

Меня и васъ одна объемлетъ неизбѣжность,
Ненарушимъ всемірный строй.
Все должно быть: для жизни радость и мятежность,
Для смерти — тлѣнье и покой.

Если-бъ хотѣлъ я любить,
Если-бы могъ я желать, —
Въ мірѣ кого полюбить,
Въ жизни чего пожелать?

Только Отецъ Мой да Я,
Больше и нѣтъ никого.
Жизнь безъ хотѣнья — моя,
Воля безъ жизни — Его.

Зачѣмъ жемчугъ-роса въ травѣ?
Зачѣмъ янтарь-луна ясна, блѣдна?
Изъ лѣса фея вышла. Не одна.
Но сколько ихъ? Одна иль двѣ?

Ночной-ли рой прозрачно-крылыхъ фей
Свиваетъ мглу въ волшебный кругъ,
И синихъ сколько въ немъ зарницъ—очей?
И кто бы смѣлъ считать подругъ?

Имъ счета нѣтъ, — одна иль сто, —
И блещетъ свѣтъ, и плещетъ смѣхъ.
Но кто со мной въ долинѣ той? Никто
Дневной ночныхъ не вѣдаетъ утѣхъ.

Надо мною жестокая твердь,
Предо мною томительный путь,
А за мною лукавая смерть
Все зоветъ да манитъ отдохнуть.

Я ее не хочу и боюсь,
Отвращаюсь отъ злого лица.
Чтобъ ее одолѣть, я стремлюсь
Расширять бытіе безъ конца.

Я—царевичъ съ игрушкой въ рукахъ,
Я—король зачарованныхъ странъ.
Я—невѣста съ тревогой въ глазахъ,
Богомолкой бреду я въ туманъ.

Мы скучной дорогою шли
По чахлой равнинѣ.
Уныло звучали шаги
На высохшей глинѣ,
А рядомъ печально росли
Березки на кочкахъ.
Природа больная! солги
Въ колосьяхъ, въ цвѣточкахъ.

Обмана мы жаждемъ и ждемъ,
Мы жаждемъ обмана.
Мы рвемся душой къ небесамъ
Изъ царства тумана.
Мы скучной дорогой идемъ
Вдоль скуднаго поля.
Томительно грезится намъ
Далекая воля.

Люблю тебя, твой милый смѣхъ люблю,
Люблю твой плачъ, и быстрыхъ слезъ потоки,
И нѣжныя, краснѣющія щеки,—
Но у тебя любви я не молю,

И, можетъ быть, я даже удивлю
Тебя, когда прочтешь ты эти строки.
Мои мечты безумны и жестоки,
И каждый разъ, какъ взоръ я устремлю

Въ твои глаза, отравленное жало
Моей тоски въ тебя вливаетъ ядъ.
Не знаешь ты, къ чему зоветъ мой взглядъ,

И онъ страшитъ, какъ остріе кинжала.
Мою любовь ты злобой назовешь,
И, можетъ быть, безгрѣшно ты солжешь.

Я не лгу, говоря, что люблю я тебя,
Но люблю для себя, и ласкаю губя.

Что мнѣ счастье твое, что мнѣ горе твое!
Я твое и свое сочеталъ бытіе,—

И на вѣчномъ огнѣ, на жестокомъ огнѣ
Мы въ безумной съ тобою сгоримъ тишинѣ,

И пылая, сгорая, другъ друга любя,
Позабудемъ весь міръ, позабудемъ себя,

И великую жертву Творца повторимъ,
И сгоримъ передъ нимъ, и развѣемся въ дымъ.

Печальный ангелъ землѣ принесъ
И розы крови, и жемчугъ слезъ.

Печальный ангелъ, зловѣщій взглядъ!
Ты здѣсь не медли,—вотъ твой нарядъ.

Надѣнь изъ злого земного ткань
Ты самъ,—а намъ сердецъ не рань.

Изъ розъ кровавыхъ надѣнь вѣнокъ,—
Съ тобой, не съ нами разящій рокъ.

И жемчугъ въ бармы свяжи, сплети,
И въ Божье небо лети, лети.

Я умираю не спѣша,
Предсмертной тѣшусь я истомой.
Подобна грѣшная душа
Святой, на злую казнь влекомой.

Ее пытали палачи,
Съ нея совлекши всѣ одежды,
Но ихъ жестокіе бичи
Не умертвили въ ней надежды,

И въ смертный путь она идетъ.
Спокойны всѣ ея движенья.
Небесный вѣстникъ ей несетъ.
Вѣнецъ послѣдняго мученья.

Никто не убивалъ,
Онъ тихо умеръ самъ,—
Онъ блѣденъ былъ и малъ,
Но рвался къ небесамъ.

А небо далеко,
И даже—неба нѣтъ.
Пойми—и жить легко,—
Вѣдь тутъ же, съ нами свѣтъ.

Огнемъ горитъ эѳиръ,
И ярки наши дни,—
Для ночи знаетъ міръ
Внезапные огни.

Но онъ любилъ мечтать
О пресвятой звѣздѣ,
Какой не отыскать
Нигдѣ, — увы! — нигдѣ!

Дороги къ небесамъ
Онъ отыскать не могъ,
И тихо умеръ самъ,
Но умеръ онъ, какъ богъ.

АНГЕЛЪ БЛАГОГО МОЛЧАНІЯ.

Грудь ли томится отъ зною,
Страшно ль смятеніе вьюгъ,—
Только бы ты былъ со мною,
Сладкій и радостный другъ.

Ангелъ благого молчанья,
Тихій смиритель страстей,
Нѣтъ ни вѣнца, ни сіянья
Надъ головою твоей.

Кротко потуплены очи,
Станъ твой окутала мгла,
Тонкою влагою ночи
Вѣютъ два легкихъ крыла.

Рѣешь надъ дольнымъ предѣломъ
Ты безъ меча, безъ луча,—
Только на поясѣ бѣломъ
Два золотые ключа.

Другъ неизмѣнный и нѣжный,
Тѣнью прохладною крылъ
Вѣкъ мой безумно-мятежный
Ты отъ толпы заслонилъ.

Въ тяжкіе дни утомленья,
Въ ночи безсильныхъ тревогъ,
Ты отклонилъ помышленья
Отъ недоступныхъ дорогъ.

Чѣмъ недоступнѣй, тѣмъ прекраснѣй,
Чѣмъ дальше, тѣмъ желаннѣй ты,—
И съ невозможностью согласнѣй
Твои жемчужныя мечты.

Земное тягостное тѣло
Твоей святыни не одѣло,
Тебѣ чужда земная рѣчь,—
Недостижимая богиня!
Земля—темница и пустыня,—
И чѣмъ бы ей тебя привлечь?

Лепестками завялыми
Вѣтеръ усѣялъ дорожки въ саду.
Медленно, шагами усталыми,
Отгорѣвъ, я иду.

Пламя таится въ крови, копится,
Скоро опять оно будетъ сжигать,
И теперь мечта торопится
Сладкій ароматъ впивать.

О, мечта запоздалая,
О, моя безумная сестра,
Ты, какъ я, усталая,—
Прошла, отошла пора.

Если хочешь поздняго счастія,
Обмани себя, зажги свой взоръ, какъ и я,
И сквозь холодъ безстрастія
Вползетъ огневая змѣя,

Хмѣльный, ельный запахъ смолъ
На дорогу вновь прольется.
Снова небу тихій долъ
Безмятежно улыбнется.

Тамъ, гдѣ берегъ надъ рѣкой
Обовьется полукругомъ,
Я пройду съ моей тоской
Надъ росистымъ, мглистымъ лугомъ.

Я прильну къ землѣ опять
Въ равнодушіи усталомъ
Хоть немного помечтать
О нездѣшнемъ, небываломъ,

И Божественная Мать
Съ легкимъ, бѣлымъ покрываломъ
Мнѣ подаритъ снова сны
Утѣшающей весны.

Нарядней осени и лѣта,
Улыбкой юною согрѣта,
И весела и молода,
Вольнолюбивою весною
Она сіяла предо мною,
Какъ незакатная звѣзда.

Но странно,—отзвуки печали
Въ ея рѣчахъ всегда звучали,
Такія горькія слова
Она порой произносила,
Что скорби мстительная сила
Брала мгновенныя права.

Потомъ опять цвѣла улыбкой.
Хотѣлось вѣрить, что ошибкой
Слова упали съ милыхъ устъ,—
Какъ иногда шалунъ проказникъ,
Въ лѣсу бродя въ веселый праздникъ,
Посадитъ грибъ на свѣжій кустъ.

Мечами скорби ты исколотъ,
Но дни звенящіе близки.
Не застоится вѣщій солодъ
Въ болотѣ мертвенной тоски.
Ключи вливаютъ тонкій холодъ
Въ прохладу нѣжную рѣки.

Но ты прохладой не утѣшенъ,
Мечты къ восторгамъ устремивъ.
Вода мутна,—водою взвѣшенъ
Надменныхъ горъ истертый смывъ:
Еще недавно былъ такъ бѣшенъ
Ея стремительный разливъ.

Благослови законъ природы,
Благослови паденье водъ.
Въ стремленьи силъ твоей свободы
Восходъ, паренье и заходъ.
Единой Волей мчатся воды,
Въ Единой Волѣ—мигъ и годъ.

Любитъ ночь моя туманы,
Любитъ блѣдный свѣтъ луны,
И гаданья, и обманы,
И таинственные сны.

Любитъ дѣвушекъ веселыхъ
Вдругъ влюбить въ свою луну,
И русалокъ любитъ голыхъ,
Поднимающихъ волну.

И меня немножко любитъ,—
Зазоветъ меня къ лунѣ,
Зацѣлуетъ, и погубитъ,
И забудетъ обо мнѣ.

Понявъ механику міровъ
И механичность жизни дольной,
Въ чертогахъ пышныхъ городовъ
Мы жили общиной довольной,

И не боялись мы Суда,
И только передъ милымъ прахомъ
Вдругъ зажигались иногда
Стыдомъ и острымъ страхомъ.

Возникъ одинъ безумецъ тамъ,
И, можетъ быть, уже послѣдній.
Онъ повторилъ съ улыбкой намъ
Минувшихъ лѣтъ смѣшныя бредни.

Не понимая, почему
Въ его устахъ цвѣтутъ улыбки.
Мы не повѣрили ему.
Къ чему намъ ветхія ошибки!

На берегъ моря онъ бѣжалъ,
Гдѣ волны бились и стонали,
И въ гимны звучные слагалъ
Слова надежды и печали.

Такъ полюбилъ онъ мглу ночей
И тихо плещущія рѣки,
Что мѣстъ искалъ, гдѣ нѣтъ людей,
Гдѣ даже не было бъ аптеки,

И умирая, онъ глядѣлъ
Въ небесный многозвѣздный куполъ,
Людей не звалъ, и не хотѣлъ,
Чтобъ медикъ пульсъ его пощупалъ.

Голосъ нашъ ужасенъ
Нашимъ домовымъ;
Взоръ нашъ имъ опасенъ,—
Таютъ, словно дымъ.

И русалки знаютъ,
Какъ мы, люди, злы,—
Вдалекѣ блуждаютъ
Подъ защитой мглы.

Нечисть вся боится
Человѣчьихъ глазъ,
И спѣшитъ укрыться,—
Сглазимъ мы какъ разъ.

Утро ласковое звонко.
Вѣетъ легкій воздухъ тонко
У склоненнаго чела,
И тоска души пугливой
Въ этой ласкѣ шаловливой
Лучезарно умерла.

Ты воскреснешь скоро, злая.
Минетъ краткій праздникъ мая,
Яркій змѣй на небесахъ
Надо мною въ полдень станетъ,
Грудь мнѣ стрѣлами изранитъ,—
Ты придешь въ его лучахъ.

Злой драконъ, горящій ярко тамъ, въ зенитѣ,
Протянувшій всюду пламенныя нити,
Опалившій душнымъ зноемъ всю долину,—
Злой драконъ, побѣду ты ликуешь рано!
Я изъ темнаго, глубокаго колчана
Для тебя стрѣлу отравленную выну.

Предъ тобою съ лукомъ стану безъ боязни
Я, свершитель смѣлый безпощадной казни,
Я, предсказанный и все-жъ нежданый мститель.
Лукъ тугой стрѣла покинетъ съ мѣднымъ звономъ.
Ты на вызовъ мой отвѣтишь тяжкимъ стономъ,
Ты померкнешь, ты погибнешь, злой губитель!

Не плачь, утѣшься, вѣрь,
Не повторяй, что умеръ сынъ твой милый,—
Не вовсе онъ оставилъ міръ постылый.
Онъ тихо стукнетъ въ дверь,

Съ привѣтными словами
Войдетъ къ тебѣ, и станетъ цѣловать
Тебя, свою утѣшенную мать,
Безгрѣшными устами.

Лишь только позови,
Онъ будетъ приходить къ тебѣ, послушный,
Всегда, какъ прежде, дѣтски-простодушный,
Дитя твоей любви.

Исхудалый и усталый,
Онъ идетъ одинъ въ пустыню.
Ищетъ, блѣдный и усталый,
Сокровенную святыню.

Знаетъ онъ,—въ пустынѣ скудной
Есть источникъ говорливый,
Онъ поетъ пустынѣ скудной
О странѣ, всегда счастливой.

Возлѣ самаго истока
Положилъ пророкъ скрижали.
Струи свѣтлаго потока
Много лѣтъ ихъ цѣловали.

Надъ скрижалями поставилъ
Онъ сосудъ священный съ муромъ.
Онъ тому его оставилъ,
Кто придетъ съ душевнымъ миромъ,

Склонитъ радостно колѣни,
И рукою дерзновенной
На себя, склонивъ колѣни,
Изольетъ елей священный.

Давно стараюсь, и напрасно,
Поработить себя уму.
Смиряться сердце не согласно,
Нѣтъ утоленія ему.

А было время,—простодушно,
Хоть и нелѣпо, жизнь текла,
И сердцу вольному послушна
Мысль раболѣпная была.

Ты въ тайнѣ зрѣла, возрастала,
Ты извивалась, какъ змѣя,—
О мысль моя, ты побывала
На всѣхъ просторахъ бытія.

И чѣмъ меня ты обольстила?
Къ чему меня ты увлекла?
Ты ничего мнѣ не открыла,
И много, много отняла.

Восходитъ солнце, какъ и прежде,
И свѣтитъ нѣжная луна,
И обаятельной надеждѣ
Душа безсмертная вѣрна,

И ясенъ путь мнѣ, путь мой правый,
Я не могу съ него свернуть,—
Но неустанно умъ лукавый
Хулитъ единый правый путь.

О, если-бъ бурнымъ дуновеньемъ
Его коварство разнесло,
И всепобѣднымъ вдохновеньемъ
Грозу внезапную зажгло!

О, если-бъ огненныя крылья!
О, если-бъ въ буйствѣ бытія,
Шипя отъ злобы и безсилья,
Сгорѣла хитрая змѣя!

Преодолѣвъ тяжелое коснѣнье
И долгій путь причинъ,
Я самъ—творецъ, и самъ—свое творенье,
Безстрастенъ и одинъ.

Ко мнѣ струилось пламенное слово.
Блистая, дивный мечъ,
Архангеломъ направленный сурово,
Меня грозился сжечь.

Такъ, свѣтлые владыку не узнали
Въ скитальцѣ и рабѣ,
Но я разбилъ старинныя скрижали
Въ томительной борьбѣ.

О грозное, о древнее сверканье
Небеснаго меча!
Убей раба за дерзкое исканье
Эдемскаго ключа.

Исполнилъ рабъ завѣщанное дѣло:
Въ пыли земныхъ дорогъ
Донесъ меня до вѣчнаго предѣла,
Гдѣ я—творецъ и богъ.

Какъ часто хоронятъ меня!
Какъ часты по мнѣ панихиды!
Но нѣтъ для меня въ нихъ обиды,
Я выше и Ночи, и Дня.

Усталостью къ отдыху клонятъ,
Болѣзнями тѣло томятъ,
Печалями со свѣта гонятъ,
И ладаномъ въ очи дымятъ.
Мой путь передъ ними не понятъ,
Вѣнецъ многоцвѣтный измятъ,—
Но какъ ни поютъ, ни хоронятъ,
Мой свѣтъ отъ меня не затмятъ.

Оставьте ненужное дѣло,
Направьте обратно ладью,—
За грозной чертою предѣла
Воздвигнулъ я душу мою.
Великой зарею зардѣла
Любовь къ моему бытію.
Вселенское, мощное тѣло
Всемірной душѣ создаю.

Ладью мою вѣчно стремите
Къ свершенію творческихъ дѣлъ,—
И если найдете предѣлъ,
Отпойте меня, схороните!

Два солнца горятъ въ небесахъ,
Посмѣнно возносятся лики
Благого и злого владыки,
То радость ликуетъ, то страхъ.
Драконъ сожигающій, дикій,
И Геліосъ, свѣтомъ великій,—
Два солнца въ моихъ небесахъ.

Внимайте зловѣщему крику,—
Верховный идетъ судія.
Вѣнчайте благого владыку,
Сражайтесь съ дракономъ, друзья.

Грустное слово—конецъ!
Милое слово—предѣлъ!
Молотомъ скованъ вѣнецъ,
Золотомъ онъ заблестѣлъ.

Ужасъ царилъ на пути.
Злобно смѣялась нужда.
Злобѣ не льсти и не мсти,—
Вѣчная блещетъ звѣзда.

Блуждали молитвы мои
По росистымъ тропинкамъ земли,
И роптали онѣ, какъ ручьи,
И кого-то искали вдали.

И думы мои холодѣли,
Какъ грезы въ монашеской кельи,
И грезы, какъ звѣзды, блестѣли,
Въ лазурномъ и ясномъ весельи.

Все почивающее свято,
Въ смятеньи жизни—зло и грѣхъ.
Томила жизнь меня когда-то
Надеждой лживою утѣхъ.

Ея соблазны были многи,
И утомленья безъ числа.
Въ великолѣпные чертоги
Она мечты мои звала,
И на жестокія дороги
Меня коварно увлекла.

Но близость кроткой смерти чуя,
Уснули гордыя мечты.
Я жду смиренно, не тоскуя,
Благой и вѣщей темноты.

И если жить мнѣ надо снова,
Съ собой я жизни принесу
Успокоенія святого
Невозмутимую красу.

Какая тягостная встрѣча!
Какая грусть и суета!
Зачѣмъ, судьбѣ противорѣча,
Ты все борьбою занята?

Нерасторжимы эти звенья.
Тебѣ навѣки быть рабой.
Лежатъ-же тяжкіе каменья
Покорно въ гулкой мостовой,—

Не прекословятъ-же ступени,
Когда, всходя отъ сѣни къ сѣни
Иль нисходя, по нимъ идутъ,—
Не прекословитъ листъ дрожащій,
Когда рукою злой и мстящей
Его съ другими съ вѣтки рвутъ.

О, покорись, пока не поздно,
Пока не минулъ ясный день,
Пока на долъ не пала грозно
Всеусмиряющая тѣнь.

Касатики качаются
Надъ тихою водой,
Качаются, прощаются
Съ недолгою красой.

Качаются касатики
У зыбкой глубины,
И бѣдные лунатики
Въ ихъ прелесть влюблены.

Лѣсъ, озаренный луною,
Ждетъ, не дождется чудесъ.
Тѣни плывутъ надъ рѣкою.
Звѣзды сіяютъ съ небесъ.

Въ полѣ, въ одеждѣ туманной,
Ходитъ невѣдомый сонъ.
Въ сонъ, непонятный и странный,
Лѣсъ, какъ душа, погруженъ.

Въ глубокій часъ молчанія ночного
Тебѣ я слово тайное шепну.
Тогда закрой глаза, и снова
Увидишь ты мою страну.

Довѣрься мнѣ опять, иди за мною,
На здѣшній міръ не поднимая глазъ,
Пока, объятый тихой мглою,
Полночный свѣточъ не угасъ,—

И все, о чемъ душа твоя томится,
И для чего не надо слезъ и словъ,
Передъ тобою загорится
Въ ночной странѣ безмолвныхъ сновъ.

Твоя печаль осѣнена
Сосною мрачной да березой.
Къ тебѣ лѣсная тишина
Прильнула съ ласковою грезой.

Сегодня поутру лоза
Твое лобзала жадно тѣло,
А здѣсь—послѣдняя слеза
Съ твоей щеки сейчасъ слетѣла.

И жгучій стыдъ, и боль, и страхъ
Уже забыты понемногу,—
Ручей звенитъ, и лугъ въ цвѣтахъ,
На волѣ ты,—и слава Богу.

Ландышъ вдали отъ ручья,
Сердце твое томится и вянетъ.
Знай, дитя, что улыбка твоя
Не обманетъ.

Позднихъ цвѣтовъ ароматъ,
Лѣса осеннія краски.
Грустятъ улыбки, и грустятъ
Свѣтлые глазки.

Отнята отъ раздолья морей,
Морская царевна на сушѣ.
Душа твоя свѣта свѣтлѣй,
Изранена о грубыя души.

Моею кровью я украшу
Ступени, бѣлыя давно.
Подставьте жертвенную чашу,
И кровь пролейте, какъ вино.

Надъ дымкой и тяжелой чашей
Соединяйтесь,—я зову.
Здѣсь, въ чашѣ, капли крови вашей,
А на ступеняхъ я живу.

Обжегъ я крылья серафимамъ,
Оберегавшимъ древній храмъ,
И восхожу багровымъ дымомъ
Къ давно затвореннымъ дверямъ.

Смѣлѣе ставьте ваши ноги
На пятна красныя мои,
И умножайте на дорогѣ
Багряно жаркія струи.

Что было древней, темною кровью,
То будетъ новое вино,
И молотъ, поднятый любовью,
Дробитъ послѣднее звено.

Пышенъ мой городъ и святъ
Мраморнымъ и золотымъ.
Нѣга роскошная вся
Такъ недоступна чужимъ.

Мимо суровыхъ людей,
Мимо закрытыхъ воротъ,
Не подымая очей,
Отрокъ усталый идетъ.

Рваное платье въ пыли,
Ноги изранены въ кровь.
Бѣдное чадо земли!
Скудная наша любовь!

Что-же любовь призывать
По каменистымъ путямъ!
Дальше, туда, гдѣ трава
Тихо приникнетъ къ ногамъ.

Какой-то хитрый чародѣй
Разъединилъ мое сознанье
Съ природою моей,—
И въ этомъ все мое страданье.

Но если дремлетъ онъ порой,
И колдовство оставитъ,—
Уже природа не лукавитъ,
Не забавляется со мной.

Послушна и правдива,
Она приблизится ко мнѣ.
Въ ея бездонной глубинѣ
Я вижу дѣвственныя дива.

Бѣлый ангелъ надо мною,
И безкровныя уста
Безмятежной тишиною
Исповѣдуютъ Христа.

Ангелъ жжетъ полночный ладанъ.
Я—кадило передъ нимъ,
И въ цѣпяхъ моихъ разгаданъ
Дымъ кадильный, тихій дымъ,—

Возношенье, воздыханье
У спасающихъ иконъ,
Свѣчъ отрадное мечтанье,
Утѣшительный канонъ.

О полночи съ постели
Молиться ты сошла.
Лампады пламенѣли,
Въ углахъ дрожала мгла.

И ангелъ легкокрылый
Съ таинственной судьбой
Невѣдомою силой
Повѣялъ надъ тобой.

Склонила ты колѣни,
И ангелъ осѣнилъ
Тоскующія тѣни
Отрадной сѣнью крылъ.

Живи и вѣрь обманамъ,
И сказкамъ, и мечтамъ.
Твоимъ душевнымъ ранамъ
Отрадный въ нихъ бальзамъ.

И жизни перемѣнной
Нектаръ кипучій пей,
Напитокъ сладко-пѣнный
Желаній и страстей.

За грани жизни дольной
Очей не устремляй,
И мыслью своевольной,
Природы не пытай.

Вѣщаютъ тайну тѣни.
Для смѣлаго ума
Въ нихъ смертныя ступени,
Предсказанная тьма.

О, смертный, вѣрь обманамъ,
И сказкамъ, и мечтѣ,
Дивись мірскимъ туманамъ,
Какъ вѣчной красотѣ.

Въ моей лампадѣ ясный свѣтъ
Успокоенья,
Но все грѣхамъ прощенья нѣтъ,
Все нѣтъ забвенья.

Нисходитъ въ сердце тишина,
Мнѣ чужды битвы,
И жизнь безрадостно ясна,
Но нѣтъ молитвы.

Я на тебя съ тоской гляжу,
Моя икона,
И невнимательно твержу
Слова канона.

О, помолись же за меня,
Моя усталость,
Ко мнѣ молитвой преклоня
Господню жалость.

Чего не доставало
Судьбѣ моей донынѣ,
Отнынѣ близко стало,
И ярко засіяло
Въ моей нѣмой пустынѣ.

На розсыпяхъ песчаныхъ
Цвѣтутъ внезапно крины,
И въ одѣяньяхъ рдяныхъ
Гонцы изъ странъ багряныхъ
Примчались на долины.

Во мнѣ молитва рождена
Полночной тишиною,
И къ небесамъ вознесена
Томительной луною.

Молитва тихая во мнѣ
Туманомъ бѣлымъ бродитъ
И въ полуночной тишинѣ
Къ моимъ звѣздамъ восходитъ.

Для меня ты только сѣмя.
Ты умрешь,—настанетъ время,—
Жизнерадостную душу
Я стремительно разрушу,
И въ могилу брошу тѣло,
Чтобъ оно во тьмѣ истлѣло.
Изъ погибшаго земного
Созидать я стану снова.
Новый родъ къ тому-жъ обману
Вызывать я къ жизни стану,
Новыхъ образовъ броженье
Вознесу въ осуществленье,—
Но для всѣхъ одна кончина.
Все различно, все едино.

Мы поздно встрѣтились. Веселости чужда
Моя душа, пропитанная ядомъ
Порочныхъ думъ и чувствъ, и тайнаго стыда,
И жажды злыхъ страстей съ позоромъ ихъ и чадомъ.

Мы поздно встрѣтились. Отрадныя слова
Я позабылъ давно, какъ дѣтскій сонъ неясный,
Къ душѣ коснувшійся едва,
Къ душѣ и суетной и страстной.

Ты—юная, ты—рѣзвая,—но ты
Смутишься предъ моей томительною страстью.
Ты не поймешь моей мучительной мечты,
Къ иному устремишься счастью.

Ты—царь, Рѣшеткой золотою
Ты садъ усладъ своихъ обнесъ,
И за рѣшеткой золотою
Взростилъ расцвѣты алыхъ розъ.

И сквозь окованные колья
Благоуханныя мечты
Глядятъ за скованные колья
На придорожные цвѣты.

Ты за рѣшеткою литою
Порой раздвинешь яркій кустъ.
Тамъ, за рѣшеткою литою
Смѣются розы царскихъ устъ.

Презрѣлъ широкія раздолья,
Вдыхаешь алый ароматъ.
Тебя широкія раздолья
Тоской по волѣ не томятъ.

Настроеній мимолетныхъ
Волны зыбкія бѣгутъ
И стремленій безотчетныхъ
Пѣну мутную несутъ.

Смѣной ихъ нетерпѣливой
Какъ душа утомлена!
Какъ тревогою ревнивой
О промчавшемся полна!

Лаской, нѣгой, пѣсней звучной,
О, волшебница любовь.
Задержи полетъ докучный
Исчезающихъ часовъ!

Оборви рукою нѣжной
Ту связующую нить,
Что изъ сердца въ міръ безбрежный
Я, безумецъ, вздумалъ свить!

Отгони своимъ дыханьемъ
Звуки жизни, жизни сны,
И повѣй очарованьемъ
Расцвѣтающей весны.

Очаруй мой духъ унылый,
Утомленный и больной,
Грезой дѣвственной и милой,
Неблѣднѣющей мечтой.

Степь моя:
Ширь моя!
Если отрокъ я,
Раскрываю я
Желтенькій цвѣтокъ,
Зажигаю я
Желтенькій, веселенькій, золотой огонекъ.

Ты цвѣтковъ моихъ не тронь, не тронь!
Не гаси ты мой земной, золотой огонь!

Степь моя!
Ширь моя!
Если дѣва я,
Раскрываю я
Аленькій цвѣтокъ,
Зажигаю я
Аленькій, маленькій, красный огонекъ.

Ты цвѣтковъ моихъ не тронь, не тронь!
Не гаси ты мой ясный, красный огонь!

Степь моя!
Ширь моя!
Вѣю, вѣю
Раскрываю я
Желтенькіе, аленькіе цвѣтки,
Зажигаю я
Золотые, красные огоньки.

Ты цвѣтковъ моихъ не тронь, не тронь
Не гаси ты мой красный, золотой огонь.

Вы не умѣете цѣловать мою землю,
Не умѣете слушать Мать Землю сырую,
Такъ, какъ я ей внемлю,
Такъ, какъ я ее цѣлую.

О, приникну, приникну всѣмъ тѣломъ
Къ святому материнскому тѣлу,
Въ озареньи святомъ и бѣломъ
Къ послѣднему склонюсь предѣлу,—

Откуда вышли цвѣты и травы,
Откуда вышли и вы, сестры и братья.
Только мои лобзанья чисты и правы,
Только мои святы объятья.

Я опять, какъ прежде, молодъ,
И опять, какъ прежде, малъ.
Поднимавшій въ небѣ молоты
Надо мною, задремалъ.

И съ врагомъ моимъ усталымъ
Я бороться не хочу.
Улыбнусь цвѣтками алыми,
Зори въ небѣ расцвѣчу.

Бѣлыхъ тучекъ легкій мраморъ—
Изваяній быстрыхъ рядъ.
Пѣна волнъ плескучихъ на морѣ
Вновь обрадовала взглядъ.

Я слагаю сказки снова,
Я опять, какъ прежде, малъ
Дремлетъ молнія лиловая,
Громовержецъ задремалъ.

Плеснула рыбка подъ водой,
И покачнулась тамъ звѣзда.
Песокъ холодный и сырой,
А въ рѣчкѣ теплая вода.

Но я купаться подожду,—
Слегка кружится голова,—
Сперва я берегомъ пройду.
Какая мокрая трава!

И какъ не вздрогнуть, если вдругъ
Лягушка прыгнетъ стороной,
Иль невзначай на толстый сукъ
Наступишь голою ногой!

Я не боюсь, но не пойму,
Зачѣмъ холодная трава,
И темный лѣсъ, и почему
Такъ закружилась голова.

Какъ согласно сердце бьется
Съ полуночной тишиной!
Какъ послушно подается
Прахъ дорожный подо мной!

Ночь свѣтла, мнѣ сны не снятся,
Я въ поляхъ иду босой.
Тихо травы серебрятся,
Брызжутъ на ноги росой.

Рѣчка плещетъ и струится
Тамъ, за тихою горой,
Чтобъ со мной повеселиться
Смѣхомъ, пляской да игрой.

Какъ отрадно окунуться,
Брызгать теплою водой!
Только ты не смѣй проснуться,
Водяной, старикъ сѣдой!

Прошли предъ вами времена,
Свершились знаменья и сроки,
И начертали письмена
На свиткахъ пламенныхъ пророки

И въ довершенье чудесамъ
Страданья подвига подъемлю
И, человѣкомъ ставши, самъ
Пришелъ на стынущую землю

Святыя зерна божества
Вложить въ двухсмысленныя рѣчи,
Открыть законы единства
И тождества противорѣчій.

Освобождая отъ грѣха,
Отъ лютыхъ каръ несовершенства,
Я въ звонѣ каждаго стиха
Дарю вамъ радуги блаженства.

Ликуй, звени, блести, мой легкій, тонкій стихъ,
Ликуй, мой звонкій стихъ, о радостяхъ моихъ.

Я кроткою мечтой тоску преодолѣлъ,
И сладко полюбилъ, и нѣжно пожалѣлъ.

И такъ люблю, губя,—и такъ, любя, гублю,
И погубивъ, опять прильну,—и оживлю.

Васильки на поляхъ ослезились росой,—
Васильки твоихъ глазъ оросились слезой.

Пробѣжалъ вѣтерокъ по румянымъ цвѣтамъ.—
Пробѣжала улыбка по алымъ губамъ.

И улыбка, и слезы,—и смѣхъ, и печаль,—
Миновавшей весны благодатная даль!

Я вѣрю въ творящаго Бога,
Въ святые завѣты небесъ,
И вѣрю, что явлено много
Безумному міру чудесъ.

И первое чудо на свѣтѣ,
Великій источникъ утѣхъ—
Блаженно-невинныя дѣти,
Ихъ сладкій и радостный смѣхъ.

Бѣлый мой цвѣтокъ, таинственно-прекрасный,
Изъ моей земли, изъ черной ты возникъ,
На меня глядишь ты, нѣжный и безгласный,
И понятенъ мнѣ безмолвный твой языкъ.

Ты возникъ изъ тьмы, моей мечтѣ навстрѣчу,
Ты зовешь туда, откуда вышелъ ты,—
Я твоимъ вѣщаньямъ не противорѣчу,
Къ твоему дыханью наклонивъ мечты.

Забѣлѣлся туманъ за рѣкой,
Этотъ берегъ совсѣмъ не высокъ,
И деревья стоятъ надъ водой,
И теперь я совсѣмъ одинокъ.

Я въ кустахъ поищу хворостинъ,
И въ костеръ ихъ на берегъ сношу,
И подъ ними огонь воскрешу,
Посижу, помечтаю одинъ.

И потомъ, по теченію рѣки,
Потихоньку пойду босикомъ, —
А завижу вдали огоньки,
Буду знать я, что близокъ мой домъ.

Догорѣла свѣча,
И луна поблѣднѣла.
Мы одни, — ты свѣтла, горяча, —
Я люблю твое стройное тѣло.

Къ загорѣлымъ стопамъ
Я приникнулъ устами, —
Ты ходила по жесткимъ тропамъ,
Проходила босыми ногами.

Принесла мнѣ цвѣты
Изъ высокаго края, —
Ты сбирала святыя мечты,
Надъ зіяющей бездной играя.

Подъ черемухой цвѣтущей
Я лежалъ въ іюльскій зной,
И вероники ползущей
Цвѣтъ увидѣлъ голубой.

Стало весело. На небѣ-ль,
На землѣ-ли я, не зналъ.
Я сорвалъ ползучій стебель,
И листки поцѣловалъ,

И, покрыты волосками,
Были нѣжны тѣ листки,
Словно я прильнулъ губами
Къ локтю дѣвичьей руки.

Любовью легкою играя,
Мы обрѣли блаженный край.
Вкусили мы веселье рая,
Сладчайшаго, чѣмъ Божій рай.

Лаская тоненькія руки
И ноги милыя твои,
Я изнывалъ отъ сладкой муки,
Какой не знали соловьи.

Съ тобою на лугу несмятомъ
Цѣлуяся въ тѣни березъ,
Я упивался ароматомъ,
Благоуханнѣй алыхъ розъ.

Рѣзвѣй веселаго ребенка,
Съ невинной нѣжностью очей,
Ты лепетала звонко, звонко,
Какъ не лепечетъ и ручей.

Любовью легкою играя,
Вошли мы только въ первый рай:
То не вино текло играя,
То пѣна била черезъ край,

И два глубокіе бокала
Изъ тонко-звонкаго стекла
Ты къ свѣтлой чашѣ подставляла
И пѣну сладкую лила,

Лила, лила, лила, качала
Два тѣльно-алыя стекла.
Бѣлѣй лилей, алѣе лала
Бѣла была ты и ала.

И въ звонахъ ласково-кристальныхъ
Отраву сладкую тая,
Была милѣе дѣвъ лобзальныхъ
Ты, смерть отрадная моя!

Блаженство въ жизни только разъ,
Безумный путь,—
Забыться въ морѣ милыхъ глазъ,
И утонуть.

Едва надменный Савлъ вступилъ
На путь въ Дамаскъ,
Ужъ онъ во власти нѣжныхъ силъ
И жгучихъ ласкъ.

Его глаза слѣпитъ огонь
Небесныхъ нѣгъ,
И стройно-тонкая ладонь
Бѣла, какъ снѣгъ.

Надъ нимъ возникъ свирѣльный плачъ
Въ пыланьи дня:
„Жестокій Савлъ! о злой палачъ,
Люби меня!“

Нѣтъ, Павла Савломъ не зови:
Святымъ огнемъ
Апостолъ сладостной любви
Возставленъ въ немъ.

Блаженство въ жизни только разъ,
Отрадный путь!
Забыться въ морѣ милыхъ глазъ,
И утонуть.

Забывъ о томъ, какъ названъ ты
Въ краю отцовъ,
Спѣшить къ безмѣрностямъ мечты
На смѣлый зовъ.

О, знойный путь! о, путь въ Дамаскъ!
Безумный путь!
Замкнуться въ кругѣ сладкихъ ласкъ,
И утонуть.

Я долженъ быть старымъ,
И мудрымъ,
И ко всему равнодушнымъ,
Съ каменѣющимъ сердцемъ
И съ презрительнымъ взоромъ,
Потому что Ананке,
Злая,
Открыла мнѣ мой жребій:
Жить лишь только послѣ смерти
Безтѣлесною тѣнью,
Легкимъ звукомъ,
Пыльною радостью
Чудака книгочія...

А все же нагое тѣло
Меня волнуетъ,
Какъ въ юные годы.
Я люблю руки,
И ноги,
И упругую кожу,
И все, что можно
Цѣловать и ласкать.

И если ты, милая,—
Капризная, но вовсе не злая,—
Хочешь моего яснаго взгляда,
Моей свѣтлой улыбки,
Моего легкаго прикосновенія,—
А что же больше я могу
Дать или взять?—
Знай, знай,—
Мнѣ ненавистно
Твое нарядное платье
Скрипучаго шелка
Съ желтыми кружевами,
И ароматный даръ стараго Пино,
И даже твои сквозныя
Рукавички
Съ глупымъ и смѣшнымъ названьемъ.

Блаженный ликъ Маира
Склоняется къ Ойле.
Звенитъ призывно лира,—
И вотъ начало пира
Въ вечерней полумглѣ.

По мраморной дорогѣ,
Прекрасны, словно боги,
Они выходятъ въ садъ.
У старшихъ наги ноги
И радостенъ нарядъ,

А тѣ, что помоложе,
Совсѣмъ обнажены,
Загаръ на тонкой кожѣ,
И всѣ они похожи
На вѣстниковъ весны.

У мальчиковъ цѣвницы
Звенятъ, поютъ въ рукахъ,
И голыя дѣвицы
Веселыя въ поляхъ.

Подъ мирный рокотъ лирный
Работа весела,
И ясный свѣтъ Маирный
Золотитъ ихъ тѣла.

Съ веселой пѣсней смѣшанъ
Машины жнущей стукъ,
И ходъ ея поспѣшенъ
Подъ властью нѣжныхъ рукъ.

Часы работы краткой
Надъ нивой пролетятъ,
И близокъ отдыхъ сладкій
Подъ сводами палатъ.

Она зарей ко мнѣ пришла,
Взглянула, засіяла,—
Лаская нѣжно, обняла
И долго цѣловала.

И повела потомъ она
Меня изъ дома рано,
Едва была озарена
Туманная поляна.

И все предъ нею расцвѣло,
И солнце восходило,
И неожиданно свѣтло
И весело мнѣ было.

Она показывала мнѣ
На небѣ и въ долинѣ,
Чего я даже и во снѣ
Не видывалъ донынѣ.

И улыбаясь, и дивясь,
Она ко мнѣ склонилась.
Заря въ лицѣ моемъ зажглась,
И сердце быстро билось.

Ея созвучныя слова
Мнѣ слушать было ново.
Шептали что-то мнѣ трава,
И воздухъ, и дуброва.

Ручьи у ногъ моихъ текли,
И звучно лепетали,
И вихри пыльные вдали
Кружились и плясали.

И весь лежащій предо мной
Подъ солнцемъ кругъ огромный
Едва лишь только предъ зарей
Возникъ изъ ночи темной.

Приди опять ко мнѣ скорѣй!
Ты мнѣ всего желаннѣй.
Въ просторы новые полей
Веди порою ранней,

Чтобы опять увидѣть мнѣ
На небѣ и въ долинѣ,
Чего въ окрестной сторонѣ
Я не видалъ донынѣ.

Нѣтъ, не одно только горе,—
Есть же на свѣтѣ
Алыя розы и зори,
И беззаботныя дѣти.

Пусть въ небесахъ догораютъ
Зори такъ скоро,
Пусть наши розы роняютъ
Скоро уборы,

Пусть омрачаются рано
Властію зла и обмана
Дѣтскіе взоры,—
Розы, и зори, и дѣти
Будутъ на пасмурномъ свѣтѣ.

Вдали, надъ затравленнымъ звѣремъ,
Звенитъ, словно золотомъ, рогъ.
Не скученъ боярынѣ теремъ,
И взоръ ея нѣженъ и строгъ.

Звенитъ надъ убитымъ оленемъ,
Гремитъ торжествующій рогъ.
Коса развилась по колѣнямъ,
И взоръ и призывенъ, и строгъ.

Бояринъ стоитъ надъ добычей,
И рогъ сладкозвученъ ему.
О, женскій лукавый обычай!
О, сладкіе сны въ терему!

Но гдѣ-же, бояринъ, твой кречетъ?
Гдѣ вѣрный сокольничій твой?
Онъ рѣчи лукавыя мечетъ,
Цѣлуясь съ твоею женой.

Радостно-чистый
Образъ простой красоты,
Милый, какъ ландышъ душистый,—
Это, смиренная, ты.

Вѣчно въ загонѣ,
Вѣчно въ тяжелыхъ трудахъ.
Сестры—лѣнивыя сони,
Домъ у тебя на рукахъ.

Чѣмъ тебѣ плотятъ?
Брань да попреки всегда,
А иногда поколотятъ!
Ты говоришь: не бѣда!

Только немного,
Если ужъ станетъ не въ мочь,
Плачешь, таясь у порога,
О, нелюбимая дочь.

Ясные глазки
Золушка, вытри скорѣй,
Вѣрь въ исполненіе сказки,
Жди утѣшительныхъ дней.

Скоро хрустальный
Будетъ готовъ башмачекъ,
И повезутъ тебя въ дальній,
Раззолоченный чертогъ.

Радостно-чистый
Образъ простой красоты,
Милый, какъ ландышъ душистый,—
Это, смиренная, ты.

Вечеръ мирный наступилъ,
День за рощею почилъ,
Въ рощѣ трепетная мгла
И прозрачна, и свѣтла.
Изъ далекой вышины
Звѣзды первыя видны.
Между небомъ и землей
За туманною чертой
Сны вечерніе легли,
Сторожа покой земли.

Окно царица-небылица
Открыла въ теремѣ своемъ.
Мелькнула быстрая зарница,
И прокатилась колесница.
Ея возница—дальній громъ.

Наводитъ птичій грай истому,
Докучный грай вороньихъ стай.
О, поспѣшай, какъ птица, къ дому,
Гробницъ и лицъ не замѣчай.

Сладко мечтается мнѣ,
Слабо мерцаетъ лампада,
Тѣни скользятъ по стѣнѣ,
Тихо мечтается мнѣ
Тайная сердцу услада.

Рядомъ со мной ты опять,—
Я-ль не отдамся отрадѣ?
Сладко съ тобой мнѣ мечтать,
Сердце трепещетъ,—опять
Радость въ потупленномъ взглядѣ.

Ночь усмирила меня,
Нѣтъ голосовъ и огней.
Только желаніемъ дня
Будитъ мечты соловей.

Только предъ тѣмъ, чтобы спать,
Полная свѣтитъ луна.
Лечь-то я легъ на кровать,—
Глазъ не отвесть отъ окна.

Всталъ-бы, пошелъ поскорѣй
Тамъ, по травѣ, по сырой.
Нѣтъ, на подушкѣ моей
Сонъ надъ моей головой.

Подъ сѣнью тилій и темалъ,
Склонясь на бѣлые киферы,
Я улыбаясь задремалъ
Въ объятьяхъ милой Мейтанеры,

И, затаивши два огня
Въ очахъ за синія зарницы,
Она смотрѣла на меня
Сквозь дымно-длинныя рѣсницы.

Въ передзакатной тишинѣ
Смиряя пляской ярость Змѣя,
Она показывала мнѣ,
Какъ пляшетъ зыбкая алмея.

И вся бѣла въ тѣни темалъ,
Бѣлѣй, чѣмъ нѣжный цвѣтъ кифера,
Отбросивъ скуку покрывалъ,
Плясала долго Мейтанера.

И утомилась, и легла,
Орошена росой усталой,
Склоняя жемчуги чела
Къ благоуханью азры алой.

Иду въ лѣсу. Медлительно и странно
Вокругъ меня колеблется листва.
Моя мечта, безцѣльна и туманна,
Едва слагается въ слова.
И знаю я, что ей слова ненужны,—
Она дыханія нѣжнѣй,
Ея вѣщанія жемчужны,
Улыбки розовы у ней.
Она—краса лѣсная,
И все поетъ въ лѣсу,
Хвалою радостной вѣнчая
Ея красу.

Шестиконечная звѣзда
Напечатлѣлась на сапфирѣ.
Она со мною навсегда
И въ дольномъ, и въ надзвѣздномъ мірѣ.

Ея таинственны лучи,
И не во всякомъ поворотѣ.
Когда увидишь ихъ, молчи,
Но не забудь о дивномъ счетѣ.

Мое число навѣки—шесть.
Въ немъ безконечность, свѣтъ и тайна.
Его таинственная вѣсть
Все удвояетъ не случайно.

Стремятся дивные лучи
Ко Мнѣ и къ Ней, къ Моей невѣстѣ.
Въ тройномъ ихъ блескѣ заключи
Всѣ неразгаданныя вѣсти.

Зеленый изумрудъ въ твоемъ бездонномъ взорѣ,—
Что зеленѣло на просторѣ,
Замкнулось въ тѣсный кругъ.
Мерцаетъ взоръ зеленый, изумрудный,—
Мнѣ кажется, что феей чудной
Прикинешься ты вдругъ.

Уже не дѣва ты,—Зеленая царица,
И смѣхъ твой—звонъ ручья,
И взоръ зеленый твой—лукавая зарница,
Но ты—опять моя.

И какъ бы ты въ травѣ ни затаилась,
И чѣмъ бы ты ни притворилась,
Сверкая и звеня,—
Вездѣ найду тебя, вездѣ тебя открою,
Зеленоглазая! ты все со мною,
Ты вѣчно для меня.

Помню я полдень блаженный
Въ тихомъ преддверьи весны,—
Въ сердцѣ моемъ загорѣлось
Солнце нетлѣнной страны.

Пали докучныя грани,—
Я восходилъ до небесъ,
Былъ несказанно прекрасенъ
День торжества и чудесъ.

Жизнь моя, змѣя моя!
Отъ просторовъ бытія
Къ тѣснымъ гранямъ житія
Перенесъ тебя и я,
Воды хладныя лія,
Вина сладкія пія,
Нити тонкія вія,
Струны звонкія бія,—
Жизнь моя, моя змѣя!

Усмирившіи творческія думы,
Къ изголовью день мой наклоня,
Погасилъ я блескъ, огни и шумы,
Все, что здѣсь не нужно для меня.

Сквозь полузакрытыя рѣсницы
Я въ края полночные вхожу,
И въ глаза желанной Царь-Дѣвицы
Радостно гляжу.

Всѣ эти ваши слова
Мнѣ ужъ давно надоѣли.
Только бъ небесъ синева,
Шумныя волны да ели,

Только бы льнула къ ногамъ
Пѣна волны одичалой,
Сладко шепча берегамъ
Сказки любви небывалой.

Все было безпокойно и стройно, какъ всегда.
И чванилися горы, и плакала вода,
И булькалъ смѣхъ дѣвичій въ воздушный океанъ,
И басомъ объяснялся съ мамашей грубіянъ.
Пищали сто песчинокъ подъ дамскимъ башмакомъ,
И тысячи пылинокъ врывались въ каждый домъ.
Трава шептала сонно зеленыя слова.
Лягушка увѣряла, что надо квакать ква.
Кукушка повторяла, что гдѣ-то есть куку,
И этимъ нагоняла на барышень тоску,
И, пачкающій лапки играющихъ дѣтей,
Побрызгалъ дождь на шапки гуляющихъ людей,
И красили ужъ небо въ берлинскую лазурь,
Чтобъ дѣти не боялись ни дождика, ни бурь,
И я, какъ прежде, думалъ, что я—большой поэтъ,
Что міру будетъ явленъ мой незакатный свѣтъ.

Мой другъ, любовь не слышная,
Къ тебѣ любовь моя,
Не тканая, не пышная
Одежда бѣлая моя.
Она—моя...
Широкой тканью бытія
Не видная, не слышная,
Она всегда моя.
Звенятъ-ли струи у ручья,
Поетъ-ли пташка вольная,—
Струя—Моя, и пѣснь—Моя.
Вся жизнь, и горняя, и дольняя,
Вся жизнь—Моя,
И потому она твоя.
Безсмертно безглагольная,
Всегда Твоя, вездѣ—Моя.

Иди въ толпу съ привѣтливою рѣчью
И лицемѣрь,
На опытѣ всю душу человѣчью
До дна измѣрь.

Она узка, темна и не свободна,
Какъ темный склепъ,
И тотъ, кто часъ провелъ въ ней неисходно,
На вѣкъ ослѣпъ.

И ты поймешь, какое врачеванье—
Въ окно глядѣть
Изъ тьмы души на птичье ликованье,
И смѣть, и пѣть.

Изъ-за тумана ночного
Всталъ, подымаюсь я снова
Тихой и блѣдной луной.
На землю сѣю сіянья,
Чары, и сны, и мечтанья,
Всѣмъ утомленнымъ покой.

За день усталъ я смѣяться,
Солнцемъ къ землѣ разливаться,
Все веселить и живить.
Кроткою буду луною
Всѣхъ къ тишинѣ и покою,
Самъ засыпая, манить.

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

Отъ автора 7

СТИХИ.

(Стихотворенія отмѣченныя * раньше не были напечатаны).

День сгаралъ, недужно блѣдный 11
Томленья злого 13
Недотыкомка сѣрая 14
Вздымалося облако пыли. 15
ЧЕРТОВЫ КАЧЕЛИ. Въ тѣни косматой ели 17
Живы дѣти, только дѣти 19
*Былъ просторъ небесъ огроменъ . . . 20
На сѣрой кучѣ сора 21
Мы были праздничныя дѣти 22
Что было, будетъ вновь 23
*О, смерть! я твой. Повсюду вижу. . . . 25
*Въ оврагѣ, за тою вонъ рощей. 26
Багряный вечеръ въ еердцѣ воздвигалъ . 27
Ускользающей цѣли. 28
*Пришла, и розы разсыпаешь 29
Благословлять губительныя стрѣлы . . . 30
Мы покланялися владыкамъ 31

стр.

НЮРЕНБЕРГСКІЙ ПАЛАЧЪ. Кто знаетъ, сколько муки 33
Нѣтъ, не любовь меня влекла 36
*Дорогіе наряды 37
Я любви къ тебѣ не знаю. 38
О, лихорадочное лѣто 39
Не стоитъ-ли кто за угломъ 40
*Былъ глазъ чудовища нелѣпъ. 41
Кто на волѣ? Кто въ плѣну? 43
Невнятною, темною рѣчью. 44
Цвѣты роняютъ вешній ароматъ 45
Въ его саду растетъ рябина 46
Не рождена притворствомъ. 47
Мы устали преслѣдовать цѣли 48
Я ждалъ, что вспыхнетъ впереди 49
Многоцвѣтная ложь бытія 50
На распутьи зломъ и дикомъ 51
Люблю блуждать я надъ трясиною . . . 53
Столкновеніе бѣшеныхъ воль. 55
На гулкихъ улицахъ столицы 56
Вотъ у витрины показной 57
Онъ теменъ и суровъ,—и взоръ его очей. 58
*Въ его устахъ двухсмысленны слова . . 59
Въ безмолвной пустынѣ 60
Отчего боятся дѣти 61
Былыя надежды почили въ безмолвной могилѣ... 63
Туманный день глядитъ въ окно 64
Былъ широкій путь къ подножью. . . . 65
Въ полумракѣ я томился. 66
*Торжественной праздности чадо. 67

стр.
*На улицахъ пусто и тихо 68
*Вѣрить обѣтамъ пустыннымъ. 69
*Истомилъ меня пасмурный день 70
Думы черныя лелѣю 71
Небо желто-красное зимняго заката . . . 72
Навѣкъ налаженъ въ рамкахъ тѣсныхъ . 73
Когда я въ бурномъ морѣ плавалъ . . . 75
О, царица моя! Кто же ты? Гдѣ же ты? 77

ВЫБОРЪ. На перепутьи бытія 79
Полонъ дикими мечтами 81
Судьба была неумолима 83
Въ пути безрадостномъ, среди нѣмой пустыни 85
*С, забвеніе! низойди, обмани! 86
День туманный. 87
Вывѣски цвѣтныя. 89
*Садъ чародѣйныхъ прохладъ 90
Придешь-ли ты ко мнѣ, далекій, тайный другъ? 91
Вчера въ безсиліе печали 92
Въ безпредѣльности пространства 93
Люби меня, люби, холодная луна. . . . 94
*Для кого прозвучалъ 95
Маленькіе кусочки счастья, не взялъ-ли я васъ въ жизни? 97
*Мнѣ сегодня нездоровится 98
Благословляю сладкій ядъ 99
Онъ не знаетъ, но хочетъ 101
Невиннѣй цвѣтъ и грѣшный ароматъ Левкоя 102

СТР

Предметы предметнаго міра 103
Побѣждайте радость. 105
*Забудь, что счастье ненадежно 106
Дышу дыханьемъ раннихъ росъ 107
Свободный вѣтеръ давно прошумѣлъ . . 109

НОЧЬ. Уныло плавала луна. 110

*КОМАРЪ-ПАЛАЧЪ. Уйдешь порой изъ
солнечной истомы 111
Я къ ней пришелъ издалека 112
Измученный жгучею болью 113

ЛЮЦИФЕРЪ ЧЕЛОВѢКУ. Гармоніей
небесныхъ сферъ 115

ЛУННАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ. Я не знаю
много пѣсенъ, знаю пѣсенку одну..! . 117
Зачѣмъ возрастаю? 119
Въ молчаньи звѣздъ, въ дыханьи вѣтра
съ полуночи 120
Если-бъ хотѣлъ я любить 121
*Зачѣмъ жемчугъ-роса въ травѣ? 122
Надо мною жестокая твердь 123
Мы скучной дорогою шли 124
Люблю тебя, твой милый смѣхъ люблю . 125
Я не лгу, говоря, что люблю я тебя . . 126
Печальный ангелъ землѣ принесъ 127
*Я умираю не спѣша 128
Никто не убивалъ 129

АНГЕЛЪ БЛАГОГО МОЛЧАНІЯ. Грудь
ли томится отъ зною 131
*Чѣмъ недоступнѣй, тѣмъ прекраснѣй . . 133

стр.

Лепестками завялыми 134
*Хмѣльный, ельный запахъ-смолъ. . . . 135
Нарядный осени и лѣта 136
Мечами скорби ты исколотъ. 137
*Любитъ ночь моя туманы 138
*Понявъ механику міровъ 139
Голосъ нашъ ужасенъ 141
Утро ласковое звонко 142
Злой драконъ, горящій ярко тамъ, въ зенитѣ 143
Не плачь, утѣшься, вѣрь. 144
Исхудалый и усталый 145
*Давно стараюсь, и напрасно 147
Преодолѣвъ тяжелое коснѣнье 149
Какъ часто хоронятъ меня! 151
Два солнца горятъ въ небесахъ. 153
Грустное слово—конецъ! 154
Блуждали молитвы мои 155
*Все почивающее свято. 156
Какая тягостная встрѣча! 157
*Касатики качаются 158
Лѣсъ, озаренный луною 159
*Въ глубокій часъ молчанія ночного . . 160
Твоя печаль осѣнена 161
Ландышъ вдали отъ ручья 162
Моею кровью я украшу 163
*Пышенъ мой городъ и святъ. 165
Какой-то хитрый чародѣй 166
Бѣлый ангелъ надо мною 167
О полночи съ постели. 168
Живи и вѣрь обманамъ 169

стр

Въ моей лампадѣ ясный свѣтъ. 171
Чего не доставало 172
Во мнѣ молитва рождена 173
Для меня ты только сѣмя 174
Мы поздно встрѣтились. Веселости чужда. 175
Ты—царь. Рѣшеткой золотою 176
Настроеній мимолетныхъ 177
Степь моя! 179
Вы не умѣете цѣловать мою землю . . . 181
Я опять, какъ прежде, молодъ 182
*Плеснула рыбка подъ водой 183
*Какъ согласно сердце бьется 184
*Прошли предъ вами времена 185
*Ликуй, звени, блести, мой легкій, тонкій стихъ 186
Васильки на поляхъ ослезились росой . . 187
Я вѣрю въ творящаго Бога 188
Бѣлый мой цвѣтокъ, таинственно-прекрасный 189
*Забѣлѣлся туманъ за рѣкой 190
Догорѣла свѣча. 191
Подъ черемухой цвѣтущей 192
Любовью легкою играя 193
Блаженство въ жизни только разъ . . . 195
*Я долженъ быть старымъ 197
*Блаженный ликъ Маира 199
*У мальчиковъ цѣвницы 290
Она зарей ко мнѣ пришла 201
Нѣтъ, не одно только горе 203
Вдали, надъ затравленнымъ звѣремъ . . 204
Радостно-чистый 205

стр.

Вечеръ мирный наступилъ 207
Окно царица-небылица 208
Сладко мечтается мнѣ 209
*Ночь усмирила меня 210
Подъ сѣнью тилій и темалъ 211
Иду. въ лѣсу. Медлительно и странно . . 213
Шестиконечная звѣзда. 214
Зеленый изумрудъ въ твоемъ бездонномъ взорѣ 215
Помню я полдень блаженный. 216
Жизнь моя, змѣя моя! 217
Усмиривши творческія думы 218
Всѣ эти ваши слова. 219
Все было безпокойно и стройно, какъ всегда 220
Мой другъ, любовь не слышная. 221
Иди въ толпу съ привѣтливою рѣчью . . 222
*Изъ-за тумана ночного 223

ИЗД. „ШИПОВНИКЪ“, СПБ. НИКОЛАЕВСКАЯ 31.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ФЕДОРА СОЛОГУБА.

Томъ первый: Стихи. . . . . Ц. 1 р. 50 к.

Томъ второй: Тяжелые сны. Романъ. Изд. III. Ц. 1 р. 75 к.

Томъ третій: Свѣтъ и тѣни. Червякъ. Къ звѣздамъ. Улыбка. Прятки. Бѣлая мама. Землѣ Земное. Баранчикъ. Лелька. . . . . Ц. 1 р. 25 к.

Томъ четвертый: Красота. Утѣшеніе. Обручъ. Жало смерти. Въ плѣну. Маленькій человѣкъ. Рождественскій мальчикъ. . . . . Ц. 1 р. 25 к.

Томъ пятый: Стихи. . . . . Ц. 1 р. 50 к.

Томъ шестой: Мелкій бѣсъ. Романъ. Изд. V. Ц. 1 р. 75 к.

Томъ седьмой: Бѣлая собака. Опечаленная невѣста. Страна, гдѣ воцарился звѣрь. Два готика. Елкичъ. Смерть по объявленію. Въ толкѣ. Мудрыя дѣвы. Очарованіе печали. Тѣло и душа. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ восьмой: Побѣда смерти. Даръ мудрыхъ пчелъ. Любви. Ванька ключникъ и пажъ Жанъ. Ночныя пляски . . . . . Ц. 1 р. 50 к.

Томъ девятый: Стихи. . . . . Ц. 1 р. 50 к.

Томъ десятый: Статьи и сказки . . . . . Ц. 1 р. 50 к.

Ц. 1 р. 50 к.